

АЛЕСЯ АГАФОНОВА

ПЕСНЬ О ГРАФИНЕ

16+

Алеся Агафонова

Песнь о Графине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67915431

SelfPub; 2022

Аннотация

Непримечательный городок был известен лишь из-за легенд о заброшенном Цирке Уродов. Кажется, каждый год там погибало множество неосмотрительный смельчаков. Или, может, всё из-за происшествия тридцатилетней давности, когда прямо на манеже, во время выступления... А впрочем, неважно. Это всё – слухи, да и только. Возможно, однажды настоящая тайна цирка будет раскрыта, но так ли скоро это произойдёт?..

Содержание

Глава первая. Находка.	4
Глава вторая. Решение.	13
Акт первый. Тень.	20
Акт второй. Изначально.	32
Акт третий. Звёздный час.	51
Акт четвёртый. Вскрытие правды.	75
Акт пятый. Воссоединение.	90
Акт шестой. На свои места.	104
Акт седьмой. Истина того дня.	110
Эпилог.	121
Список персонажей.	129

Алеся Агафонова

Песнь о Графине

Глава первая. Находка.

Всё субботнее утро телефон Говарда разрывался от звонков. Свой законный выходной он надеялся провести дома за кружкой чая и увлекательной книгой. На седьмой минуте непрекращающейся мелодии парень хотел было отключить сотовый, но бегущая строка оправдывала все худшие ожидания. Контакт “Стивен-чтоб-его-Харрисон” уклонения от долга не переносил, а игнорирование своих вызовов расценивал как оскорбление. Говард понимал, что предупреждений от начальника у него накопилось столько, что, записывая их каждый раз, листочками с угрозами он мог бы наконец-то закончить ремонт, покрыв стены оригинальными обоями. Зарплата, и так постоянно уменьшающаяся из-за отсутствия расследований, не служила мотивацией к продуктивной работе. Как же жаль, что он не послушал родителей, надо ж было податься полицейским в город на краю мира, где из преступлений только нападения чаек на набережной!

На восьмой минуте телефон чуть было не полетел в стену, но был спасён остаткам выдержки Говарда. Вздохнув, мужчина поднялся с кресла и, пройдя казавшийся непосильным

путь до хлипкого стола, принял звонок.

– Слушаю, – сквозь зубы процедил он.

– Да где тебя черти носят?! – послышался в ответ голос, сравнимый с раскатами грома. – Только попробуй заикнуться про выходной, ты и так на грани увольнения! Если не хочешь, чтобы тебя вышвырнули уже завтра, собирайся. Я отправил к тебе Тернера, просто покажи ему адрес, который я сейчас напишу сообщением.

Гудки раздались до того, как Говард успел кинуть что-нибудь до ужаса язвительное в ответ. Засунув мобильный в карман штанов, полицейский поплёлся в коридор. Шаркая ногами по грязному полу, он машинально схватил по пути ключи с тумбочки, которая выглядела так же ненадёжно, как и стол. В свете мигающей, почти что перегоревшей лампочки натянул кроссовки и схватил первую попавшуюся под руку куртку. Менять спортивные штаны с майкой на что-то более строгое или официальное мужчина не стал. Обойдутся.

Хлопнув дверью, Говард вышел во двор, который выглядел так же уныло, как и жилище с его хозяином. Порывшись в карманах куртки, он вытащил помятую пачку сигарет и коробок спичек, но закурить в ожидании коллеги полицейский так и не смог, начавшийся дождь успешно тушил огонь. Уже намереваясь вернуться в дом за зонтом, мужчина заметил знакомую машину. Без характерных наклеек, надписей и мигалок. Видимо, работа была срочной для одного только Говарда, ведь Тернер явился на своём личном автомобиле.

Утруждать себе в том, чтобы подъехать непосредственно к дому водитель не стал, так что полицейскому пришлось прикрыть голову руками, добегая до него уже слегка промокшим.

Плюхнувшись на переднее сиденье, мужчина нарочито сильно хлопнул дверью, выражая всё своё недовольство ситуацией.

– И куда тебя судьба занесла на этот раз? – хохотнул Тернер, вглядываясь в предоставленный ему телефон.

Прищурившись, он протянул:

– У-у-у, стрёмное местечко. Это Харрисон тебя туда вызывает?

– А кто ещё может заставить меня переться за город в восемь утра выходного дня, –фыркнул Говард, отвернувшись к боковому окну. – Давай, езжай уже. Быстрее начну –быстрее закончу.

Остальная часть пути прошла в тишине, которую разбавляли помехи от сломанной магнитолы. За окном проносились однообразные низкие домишки, деревья с пожухлыми листьями и редкие встречные машины. За пределами города пейзаж изменился не сильно, разве что пропали всякие строения, а через минут сорок стали видны очертания места, к которому и лежал путь Говарда.

Протерев тыльной стороной ладони участок запотевшего стекла, полицейский стал рассматривать открывшийся вид. Совсем уже протёртые шатры держались на ветхой конструк-

ции из металлических перекладин, которая каким-то чудом ещё не обвалилась. В целом, чем-то они были схожи с мебелью Говарда. Небольшим палаткам рядом досталось намного больше и в них было куда сложнее узнать ряд цветных прилавок для ярмарки. Сзади проглядывались поломанные дома на колёсах, в которых раньше жили актёры цирка. Чуть поодаль расположились ветхие скамеечки, изломанная карусель, с которой практически полностью слезла краска и стенды для плакатов, правда, без афиш. Парочка указателей огромными стрелками прокладывали путь к главным воротам, вывеска которых гласила “Цирк Уродов”. Она, в отличие от всего остального здесь, сохранилась как нельзя лучше, будто бы кто-то намеренно ремонтирует её, не давай развалиться окончательно. Однако надпись всё же была нечитаемой для тех, кто забрёл сюда случайно, и резала глаза людям, которые знали, куда они угодили.

Остановившись в паре метров от протоптанной дорожки, ведущей к шатру, Тернер заявил, что дальше не поедет, подкрепив это фразой: “Плохая тут атмосфера, да и это твои проблемы, чувак, не мои”. Действительно. Не его. Попрошавшись, Говард нехотя вылез из машины, вновь попадая под дождь, который – хвала небесам –практически сошёл на нет.

Размокшая земля хлопала пол ногами, пачкая светлую обувь. Ускорив шаг, мужчина приближался к главной постройке, около которой лениво ходили другие полицейские

под зонтами. Бело-красный полосатый шатёр выцвел и был усеян дырками. Кивнув одному из своих коллег, Говард отодвинул кусок порванного брезента, который служил входом, и прошёл дальше. Внутри оказалось вполне сухо, хотя капли воды всё же изредка падали в образовавшиеся лужи через отверстия сверху.

Туда-сюда ходили ранее незнакомые мужчине люди. Возможно, дело было действительно серьёзным. Или же сказалося расположение заброшенного цирка, который находился между несколькими городами, так что здесь действовало не только его подразделение. Офицеры полиции и криминалисты ходили между разломанных скамеек в ложе, фонариками подсвечивали оркестровую яму, а за всем этим с манежа наблюдал Харрисон.

Заметив у входа только что прибывшего работника, Стив стал махать рукой, подзывая того к себе. С угрюмым видом Говард поплёлся к центру шатра, всем видом показывая, что испытывает невероятные мучения.

– Сделай лицо попроще, Хоуп, – бодро приказал Харрисон, – тут для тебя тоже работка найдётся. Сам ведь хотел вершить правосудие, вот теперь и разгребай этот завал. Короче, слушай сюда...

Из всех черт своего начальника Говарду нравилось только немногословность, говорил он всегда коротко, по делу и в общих чертах. А из своих качеств полицейский любил прекрасную фантазию, так что рассказ Стива с лёгкостью обрёл

образы в голове.

Как оказалось, съехались сюда все не забавы ради, проверить городские легенды. На днях в цирке скончался подросток, лет семнадцати. История оригинальностью не блещет: приехал с друзьями ночью, поспорили, разбрелись по территории кто куда, пострадавший зашёл в главный шатёр и больше, так сказать, не вышел.

Случай это первый и явно не последний. Много глупых детей здесь погибло, несмотря на предупреждающие знаки об опасности, которые Говард и сам не заметил по пути. Убрали их что ли? Хотя смысла в этих железках и картонках никакого не было. Желаящие показаться “бесстрашными и невероятно крутыми” попросту игнорировали всю возможную опасность. Некоторые пропадали без вести, а другие – сегодняшняя жертва в том числе – погибали от тяжёлых частей конструкций, падающих на головы. Все странности, происходящие в этом цирке, вызвали бурю сплетен и легенд, обеспечив ему дурную славу.

Однако обычно произошедшее здесь не вызывало шумиху, ответственность перекладывалась на тех, кто по своей воле зашёл на запретную для посещений территорию. Сейчас же погиб сынок какой-то значимой шишки в политике, поэтому он и поднял полицию на уши. По мнению Говарда, зря сотрясал воздух. Сейчас это место осмотрят, в бланк размашистым почерком впишут “Смерть из-за черепно-мозговой травмы”, предоставят как улику любой увесистый кусок му-

сора и напомним, что законом запрещено вторгаться сюда без определённых полномочий. И всё ради чего?

Делать уже было нечего, Харрисон дал указание обойти внутреннее помещение шатра по периметру и выписать возможные ненадёжные части конструкции, которые могли обвалиться. Хотя с тем же успехом можно было нарисовать на весь лист этот проклятый цирк. Говард проследил за тем, как Стив удаляется на улицу, а после перевёл взгляд на землю, вздрагивая. Центр манежа был усеян красными пятнами, которые выглядели так, словно их пытались оттереть всего лишь пару минут назад, хотя тело того мальчишки нашли совершенно в другом месте. А посреди всего этого кровавого узора виднелись еле заметные белые очертания, словно здесь обводили труп. Ах да, точно. Не “словно”.

Как только сам не увидишь, поверить на слово сложно. Своей печальной репутации цирк был обязан не только постоянной гибелью легкомысленных подростков. Лет тридцать назад один из циркачей погиб прямо перед зрителями на этом самом месте. После того инцидента выступления прекратились, а место это забросили. Говорят, что следователи так и не смогли раскрыть тайну того происшествия. Да что уж там – даже выступавших здесь артистов с владельцем цирка не нашли. Раз – и как не бывало! Словно по взмаху волшебной палочки.

Хмыкнув, Говард сошёл с манежа, идя кругом по сломанным местам для зрителей. Кое-где на полу всё ещё видне-

лись старые детские игрушки, оставленные в панике. Дойдя до места выхода артистов, полицейский обратил внимание на небольшую комнатку справа от него. Скорее это был ящик из досок, который скрывался в тени от посторонних. В отличие от остального окружения, он сохранился в невероятно хорошем состоянии, казалось, время его никак не тронуло. Прямо как ту самую проклятую вывеску. Подёргав за ручку, мужчина понял, что двери не собирались открываться. С силой он давить на них не стал, мало ли, повторить чужую судьбу желания не было. Внимание Говарда привлёк блестящий кусок чего-то, что выглядывало из-под стенки импровизированной комнаты. Присев на корточки, он пальцами поддел выступающий предмет, доставая его. В руках полицейского лежал пригласительный билет на выступление: ярко-красный, искрящийся блёстками и с маленьким рисунком шатра снизу. Всё бы ничего, можно было даже принять версию о том, что этому куску бумаги всего лишь повезло так хорошо сохраниться. Раритет, так сказать. Но, вчитавшись в надпись, мужчина почувствовал пробежавший по спине холодок:

“Говард Хоуп!

Имеем честь пригласить вас на уникальное и неповторимое выступление в нашем Цирке Уродов, “Nota Bene!¹”. Сегодня, в 11:11 вечера.

Будьте уверены, разочарованным Вы не уйдёте!”

---

¹ Обрати внимание! (лат.)

Перечитав текст ещё раз, полицейский сунул приглашение в карман куртки, перепрыгивая через край манежа и быстро направляясь к выходу на улицу. По пути небрежно выписав на листок пару опорных балок, он пошёл на поиски Харрисона, оглядываясь по сторонам. Почему-то никак не получалось отделаться от чувства чьего-то пристального взгляда на себе.

Его начальника удалось обнаружить курящим у главных ворот. Быстро сунув ему в руки листок, Говард перекинулся со Стивом парочкой дежурных фраз и отошёл в сторону, вызывая такси.

Машина прибыла буквально через пару минут и Хоуп запрыгнул в неё, диктуя адрес дома. Отдаляясь от цирка, полицейский всё никак не мог перестать думать об этом странном послании. Розыгрыш? Не похоже. Приехать сюда ночью означало добровольно начертить на лбу мишень и дать таинственному шутнику в руки пистолет. Говард прикрыл глаза, собираясь с мыслями, сейчас их было слишком много.

Глава вторая. Решение.

Хоуп сидел в комнате, на том же самом кресле, что и утром. Взгляд, направленный в потолок, уже мог с лёгкостью проделать там дыру. В руках Говард сминал злосчастный билет с приглашением на его имя. Здравый разум кричал о том, что ехать обратно в цирк ни в коем случае нельзя, но любопытство тоже не могло успокоиться просто так. Взвесив все за и против, полицейский пришёл к выводу, что терять ему, в целом-то, нечего. Даже если сегодня и умрёт, хоть обрадуется родственников внезапным наследством в виде недвижимости. Да и никотиновая зависимость всё равно свела бы его в гроб раньше времени, в этом Говард был уверен, не зря же на пачках сигарет предупреждений на целое эссе набрать можно.

Поэтому, поднявшись, мужчина зашагал к выходу из дома. Дождливая утренняя погода оставила после себя только прохладу, так что, укутавшись в домашнюю кофту, полицейский поспешил дойти до своего гаража. Со скрипом открывшиеся ворота открыли вид на потрёпанную машину. Хоуп взял рядом стоящий чемоданчик с инструментами и открыл капот, рассматривая причину поломки автомобиля, который отказывался работать уже около недели. Какой хозяин, такой и транспорт...

Провозившись с механизмами около часа, Говард смог до-

биться того, что машина с явным усилием, но всё же завелась. Усевшись на водительское сиденье, мужчина взглянул на экран телефона. Сейчас было десять вечера, так что больше не раздумывая, Хоуп отправился в путь, даже не утрудив себя закрыванием гаража.

Осенняя ночь встретила его внезапно наступившей темнотой. Дорогу освещали фары, одна из которых периодически моргала, намереваясь вовсе отключиться. Туман вновь осел на город и лес за ним, поэтому час езды показался целой вечностью. Слетавшие с ветвей деревьев листья изредка бились о лобовое стекло, каждый раз заставляя Говарда, и так напряжённого до предела, вздрагивать. Ещё не доехав до своего пункта назначения, полицейский был готов развернуться и мчаться назад в свою захудалую обитель, но всё равно упрямо сжимал руль, вдавливая педаль газа. Выскокивший на дорогу заяц с концами расшатал и без того нестабильное в последние часы состояние, поэтому, наконец-то добравшись до нужного места, Хоуп чувствовал себя просто отвратительно.

Из-за поворота вновь показались очертания цирка, но вывеска на воротах будто бы светилась. Говард списал это на помутнение разума, которым чуть раньше оправдал своё инфантильное решение сорваться сюда.

Он остановился в паре метров от протоптанной дорожки, ведущей в самый центр территории, на которой располагался цирк, и припарковал машину, оставляя её среди кустов.

Немного подумав, мужчина открыл бардачок, доставая оттуда пистолет с надписью “Adversa fortuna²” на рукоятке, который хранился для особых случаев. Сегодняшняя ночь вполне подходила под описание.

Собравшись с силами, Говард заглушил машину, выходя из неё, при этом чересчур громко хлопнув дверью. Выругавшись про себя, он оглянулся, смотря, не привлёк ли чьё-нибудь внимание резкими звуками, но так и не обнаружил никого за спиной. Прихваченный из дома фонарик начинает работать только после пары ударов им об ладонь. Луч света разрезает мрак, освещая тропинку, ведущую к шатру. Дальше пути назад не было, Хоуп направился в самое сердце цирка, стараясь не оглядываться по сторонам.

Внутреннее помещение шатра встретило его прохладой и гулким звуком от собственных шагов. Дисплей телефона высвечивал одиннадцать вечера, до “чего-то” оставалось чуть больше десяти минут. Чтобы не стоять на месте, опасаясь каждой тени, Говард решил ещё раз осмотреть внутренности цирка. Ничего не цепляло глаз, всё было точно так же, как утром. Только одно не сходилось: дверь маленькой комнатки за манежем была приоткрыта. Другие полицейские всё же решили вскрыть её?

Мужчина пересёк помещение, оказываясь у этого своеобразного сооружения. Из щёлки пробивался тусклый свет. Открыв дверцу до конца, Хоуп зашёл внутрь. Комната ока-

---

² При неблагоприятных обстоятельствах. (лат.)

залась гримёркой. На краю столика, заваленном различной косметикой с давно истёкшими сроками годности, горела одинокая свеча, воск которой уже начал капать на пол. Говард выключает вновь начавший барахлить фонарик, кладя его на деревянную поверхность, а пистолет кое-как засовывает в карман кофты. Верхняя часть зеркала почти что достигала потолка, а его бока покрывали выцветшие фотографии, которыми была увешена ещё и часть стены. Пёстрые костюмы неаккуратной кучей громоздились на табуретке, но пара платьев и пиджаков всё же красиво переливались пайетками и стразами на вешалках. Непонятно как поместившийся сюда стеллаж был загружен разнообразными головными уборами, масками и очками.

Среди всего этого цветного взрыва Говард смог найти одну-единственную уцелевшую фотокарточку, рядом с которой лежало письмо. Оно было всё в сгибах, видимо, кто-то старательно складывал его до этого. Чернила совсем размылись от влаги и разобрать было возможным только размашистую подпись и букву “Ф”. На фотографии же была изображена группа из двенадцати людей на фоне этого самого шатра, и только при более внимательном рассмотрении становилось ясным: с ними что-то не так. У кого-то отсутствовали части тела, у других их наоборот было больше необходимого. Пара человек стояли в позах, которые обычные люди (не с переломанными ногами и руками) повторить не смогут. Однако, среди остальных выделялись двое стоящих в центре:

парень и девушка. Оба были облачены в красные костюмы и улыбались во все тридцать два. На обратной стороне снимка стояла дата: “13.10.1991” и надпись витиеватым почерком: “Графская семья”.

Нахмурившись, Говард вновь перевернул фотографию, поднося ей ближе к свече.

– Вас разве не учили, что чужие вещи брать не прилично?

Мужчина резко дёрнулся в сторону, чуть ли не поджигая снимок. Рука машинально достаёт пистолет, направляя на источник голоса. В дверном проёме стоит девушка, но очертания её слегка скачут, не давая зацепиться за какую-либо часть тела или рассмотреть внешность в целом. Света одного огонька слишком мало.

– К-кто ты? – выдавливает из себя Хоуп.

Незнакомка хмыкает, беря брошенную на столик фотографию и поднимая её на уровень своих глаз. На секунду попавшей под свет свечи руке отчётливо различаются засохшие капли крови. Говард сглатывает, крепче перехватывая оружие.

– Кто я? – не отрываясь от разглядывания фотографии, дама отвечает. – Не вежливо говорить с людьми, держа их на прицеле. У Вас напрочь отсутствуют манеры.

– Я не...

– Перебивать говорящего также неприлично, – девушка складывает руки на груди. – Но я прощу это и даже отпущу Вас. С одним условием, конечно же!

Руки полицейского начинают дрожать, по лбу скатывается капля холодного пота. Глаза неотрывно наблюдают за частично скрытой мраком незнакомкой. Говард тяжело сглатывает. Только он собирается вновь задать вопрос, как его прерывают взмахом руки.

– Не стоит, я знаю, что Вы хотите сказать, поэтому для начала позвольте закончить мне. Сегодня утром Вы и Ваши коллеги вторглись в мои владения, припоминаете? Полиции тут не было видно уж слишком давно, так что, я полагаю, Вы сможете мне помочь. Провести расследование, вашим языком. Мне нужен ответ всего-то на один-единственный вопрос, сможете его получить?

Говард замер в ожидании, но продолжения не последовало. Видимо, от него требовался ответ. Соединив пару точек логической цепочкой, можно догадаться, что именно эта девушка оставила ему приглашение. Но кем она является? Маньяк? Нет, тогда бы не стала церемониться с офицером полиции. А может, просто тянет время? Играет... Ответить на один вопрос? Это что, викторина?

Вновь закрыв глаза на опасения, горящее в голове слово “ОСТАНОВИСЬ”, мужчина заторможенно кивает. Лица незнакомки не видно, но отчего-то становится понятно, что губы ей растянулись в улыбке.

– Замечательно! – девушка хлопнула в ладоши и звук её голоса отдался эхом от стен. С хлопком вдалеке будто бы еле слышно раздалась барабанная дробь. – Тогда начнём первый

акт.

Мир перед глазами Хоупа закружился так, будто бы он решил прокатиться на карусели во дворе, которую заметил мельком ещё утром. В глазах потемнело, а тело налилось тяжестью, не позволяя даже вытянуть руку, чтобы схватиться за что-нибудь поблизости. Пистолет со стуком ударяется об пол, а за ним падает и Говард.

Акт первый. Тень.

Сознание начинает понемногу возвращаться в тело Говарда. Через пару секунд после небольшого анализа ситуации, мужчина распахивает глаза. Он всё ещё находится в тесной гримёрке среди кучи нарядов, вот только... Что-то тут не так. Слишком яркий свет. Всё ещё не вставая, Хоуп поворачивает голову в сторону, подмечая, что вещи на полках и одежда за ним сложены намного более аккуратно, чем до этого. Но вот самого главного он не подметил: в комнатке он всё ещё не один. Только заметив ещё одного присутствующего здесь, полицейский вздрагивает.

Медленно поднимаясь на ноги, мужчина не сводит взгляд с девушки, сидящей рядом. Всем своим видом она выражает умиротворение несмотря на то, что вокруг начинает нарастать шум. Она скрестила руки на столе, уткнувшись в них лицом. Спит? Говард смотрит на пол, не находя там своего пистолета и решается тихо пройти дальше. Мимолётом взглянув в зеркало, он понимает, что его... попросту нет. За девушкой никто не отражается. Из горла рвётся истеричный смех, но он не слышит сам себя. Будто бы он всего лишь тень незнакомки. Не больше.

Сделав пару глубоких вдохов и выдохов, полицейский успокаивается. Прежде чем паниковать, нужно оценить обстановку. Прислушавшись к шуму, но понимает, что это му-

зыка. Очень несвязная, скачущая, смешавшая в себе сразу несколько мелодий... музыка. Словно рядом с ним проходит репетиции ансамбля или небольшого оркестра. Свеча со стола не исчезла, но вместо неё помещение освещают разноцветные гирлянды, которые скрывали за собой потолок, не уступая по яркости люстре с лампочками. Однако, от мигающего разноцветного свечения у Говарда быстро начинает рябить в глазах, и он искренне не понимает, как в такой обстановке возможно расслабиться, а тем более уснуть.

За звуком инструментов мужчина не услышал приближающихся грохот шагов. Через мгновение дверь жалобно скрипнула и громко ударилась о стену, распахиваясь. Комнатка от такого натиска сотряслась, вынуждая девушку подскочить, просыпаясь.

– Графи-и-иня-я-я, – протянул парень худощавого телосложения, заглядывая внутрь. Светлые волосы были взъерошены, а зелёные глаза лукаво блестели. – А ну-ка подъём! Мы без тебя репетицию начать не можем.

– Ага-ага, – незнакомец шагнул в сторону и в проёме появился ещё один парень, идентичный прошлому. Сначала показалось, что они просто держатся за руки, однако, ладони их срастались, как и часть ног чуть выше колена. Сиамские близнецы выглядели нескладно, а голоса их скакали от одной тональности к другой, к тому же говорили они наперебой. – Проснись и пой! Тётя Лиз нас уже извела своими рассказами о её молодости, только тебя и ждём.

– Ох, примите мои извинения, ребята, – девушка засуетилась, хватая с полки чёрный цилиндр и трость. Ухмыльнувшись, она поправила ярко-красную помаду на губах и убрала за правое ухо пару спадающих на лицо прядей волос. – Не графское это дело – спать вне своих хором, вы как всегда правы. Поспешим же!

“Графиня? С той фотографии?” – задумался Говард. Дата на снимке говорила, что она сделана в девяносто первом году. Значит ли это, что прямо сейчас он попал в то время? Бред какой-то. Он призрак в девяностых, шастающий по цирку уродов. Видимо, курил сегодня он что-то покрепче обычного табака.

Пока полицейский витал в раздумьях, девушка уже почти покинула гримёрку. Он успел выскользнуть из комнаты, перед тем как дверь захлопнулась. Все трое – или двое? – удалялись в глубь шатра, отодвигая бархатную занавес, что до этого отделяла их от остальных собравшихся людей.

Слух Хоупа не подвел. В паре метров оркестр уже успел рассестись по своим местам и сейчас каждый по кругу играл мелодии, уткнувшись в свои нотные листы, ожидая дирижёра. Сиамские близнецы шли чуть ли не припрыжку, болтая рукавами рубашек, которые были им явно слегка велики. Девушка же, облачённая в тёмно-красные, почти что чёрные, рубашку со штанами, на фоне которых расшитый камнями и бисером красный фрак блестел невероятно ярко, ступала медленно и грациозно. Прозвище “Графиня” ей явно шло.

Около манежа, к которому они приближались, сидели остальные артисты, хотя их было меньше, чем на том снимке. Видимо, некоторые самоуверенные циркачи обходились без дополнительных репетиций.

Женщина в цветастом платье была увешена бусами и браслетами, а на лбу у неё красовался третий глаз, выделенный ярко-синими тенями, который иногда лениво открывался. В руках она перебирала карты, увлечённо рассказывая что-то рядом сидящему мальчику. Он выглядел вполне обычно, темноволосый, в тёмно-синем комбинезоне, но поза с согнутыми под неестественным углом ногами всё же показывала, что он здесь не просто зритель. На полу манежа вытянулся мужчина в строгом костюме, глаза его были прикрыты, а длинные волосы спадали на лицо. Прикинув на глаз, можно было сказать, что он минимум метра два ростом! Рядом с ним в идентичном наряде сидел парнишка-карлик, качаясь из стороны в сторону в такт только ему известной мелодии. Рост его не гармонировал с явно взрослыми чертами лица. Поодаль от всех бродил парень без рук и что-то упорно бормотал себе под нос. Одет он был практически так же, как и Графиня, только цвета костюма перемешались – рубашка без рукавов и брюки пестрили алым цветом, а жилетка со шляпой блестели кровавым бисером на чёрной ткани.

– Доброго дня, Фокусник! – безрукий остановился, поворачиваясь на оклик, и лицо его тут же озарила улыбка. – Раз-

ве Вы не должны были услужить мне, объявив начало репетиции?

– Графиня, брось, – он закатил глаза и будь у него отсутствующе конечности, он бы определённо отмахнулся рукой. – Это же наша традиция! Никак нельзя её нарушать, так что начало репетиции объявлять должна именно ты.

– Голубки, не ссорьтесь. – рассмеялась женщина своим слегка хриплым голосом с сильным русским акцентом.

– Тётя Лиз! – возмутился Фокусник

– Елизавета, какие же это из нас голубки? Разве что слегка порубленные, – девушка в красном повернулась в пол оборота и Говард, до этого момента следовавший за ней со спины, заметил повязку, закрывающую левый глаз. Графиня тоже была с изъёмом, как и все вокруг.

– Воркуйте-воркуйте, дорогие, – женщина поднялась, крихтя, – А мне надо косточки размять, гадание дело не простое, ох не простое.

– Да, мисс Г. – темноволосый мальчик соскочил со своего места, возвращая ноги в обычное для нормального человека положение, – отрепетируем по-быстрому, да свалим на ярмарку. Слышал, сегодня Джеф готовит сахарную вату пораньше, надо успеть и нам отхватить кусочек.

– Раз дело уж и до лакомств доходит...

Девушка наклонилась, кладя на пол взятые вещи и быстро пригладила длинные тёмные волосы в низкий хвост. Вновь подняв цилиндр, артистка накинула его на голову, а после

взяла и трость, тут же опираясь на неё:

– Дамы и господа, леди и джентльмены, – разом стих посторонний шум, позволяя словам облетать весь зал. – Рады приветствовать вас в нашем цирке! Готовьтесь удивляться и восхищаться, ужасаться и сотрясаться. Мы готовы стараться для вас и ради вас. Да будет шоу!

Графиня развела руками, растягивая ухмылку ещё шире. Аплодисменты посыпались со всех сторон несмотря на то, что циркачей и музыкантов в шатре было не так и много. Девушка подкинула трость, ловко перехватывая её и прижимая к груди в поклоне. После она выпрямилась и напоследок улыбнувшись артистам покинула помещение.

Говард не заметил, как начал хлопать со всеми, хоть это и не имело смысла. Напоследок глянув на актёров, которые сразу же засуетились, разбредаясь по территории для отработки выступлений, полицейский поспешил удалиться за Графиной. Выходя из шатра, навстречу им бежал человек в белой рубашке с зажатой между зубов палочкой. Он отчаянно пытался пригладить взъерошенные волосы, поглядывая на наручные часы.

– Майкл, – притормозила его девушка ладонью, облачённой в перчатку, – подскажите мне, где Вы постоянно пропадаете?

– Ах, Графиня! – опешил он, останавливаясь и доставая изо рта мешающий говорить предмет. – Дел невпроворот, то кто-то из музыкантов приболеет, то ноты не успеют все по-

лучить...

– Вас можно понять, – кивнула артистка, – поспешите, до начала всего полчаса.

– Так точно! – отчеканил дирижёр, забегая в шатёр.

Девушка хмыкнула, идя по протоптанной дорожке в сторону пёстрых палаток. Туда-сюда ходили другие актёры и работники цирка, махая Графине или здороваясь с ней, а зрители провожали артистку заинтересованными взглядами в предвкушении скорого зрелища. На ярмарке продавалось всё что только можно: от сладостей и прочей еды до воздушных шариков и забавных украшений. Каждое воскресенье торговцы всеми усилиями старались ухватить себе здесь место, так что люди за прилавками менялись чуть ли не со скоростью света. Парочка постояльцев всё же была – те, кто работал непосредственно на хозяина цирка. Дойдя до конца ряда, Графиня остановилась у пухлого продавца, протирающего свой стол. Говард встал за ней, прислушиваясь к разговору сквозь стену детского крика и смеха.

– Доброго дня, Джеф, – девушка по-птичьи склонила голову к плечу. – Ещё не распродали всё?

– Графиня, какая честь! – улыбнулся он, поднимая глаза. – Нет, куда уж там! Ваша компания ещё первое выступление не отыграла, а ярмарка оживает к вечеру.

– Вы как всегда правы, – ухмыльнулась она. – Не могли бы Вы оставить актёрам немного сахарной ваты?

– Никаких проблем! – рассмеялся Джеф. – Эти ребятки за

любимые лакомства порвать готовы, уж я-то знаю! Ступай, готовься к открытию.

Девушка кивнула, удаляясь в сторону аттракционов. По пути высокая незнакомка столкнулась с ней, быстро что-то пролепетав, но Хоуп не успел расслышать ни слова, так что посчитал, что та извинилась. Говард, следовавший за Графиной, предполагал, что артистка остановится где-нибудь ещё, болтая со знакомыми, но она проскользнула мимо собравшихся поодаль работников, уходя всё дальше. К концу поляны, у деревьев, расположились небольшие домики на колёсах, обвешенные флажками разных цветов. Видимо, здесь жили циркачи, которые не имели недвижимости в городе. А по количеству машин можно сказать, что эта была вся труппа. На земле у каждого входа валялись коврики с нелепыми фразами-приветствиями, а на дверях болтались таблички с именами артистов, показывая, кому каждая из комнат принадлежит. Цирк бродячим не был, так что хозяин мог позволить себе построить более привычное для обычных людей место жительства, но лишние траты никто совершать намерен не был. Да и сами актёры не особо возражали – был в подобном образе жизни особый шарм.

Только один дом на колёсах выбивался из яркого строя. Серый, ничем не украшенный, не разрисованный замысловатыми узорами он стоял поодаль от других, но заброшенным не являлся. У каждой монеты есть две стороны, и, как это обычно бывает, за весельем и сказкой стоит угрюмый и

совершенно нежизнерадостный человек. Именно таким являлся владелец и по совместительству главный управляющий Цирка Уродов, который целыми днями сидел в своём импровизированном офисе. Никто не знал, чем он там занимался, но заходил в свой вагончик он рано утром, а вечером выходил из него ещё более недовольным, уезжая обратно в город. Ни на выступлениях, ни на репетициях он не присутствовал, но каким-то образом знал обо всём происходящем и о любых провинностях своих подчинённых. Вызова в его “темницу” боялся каждый. Мало кого он звал к себе лично, но те, кому выпадала такая честь, после беседы выглядели лишёнными жизненных сил. Однако один человек являлся туда как по расписанию.

Графиня застыла у покрывающейся ржавчиной двери, нервно сжимая в руках свою трость. Спина потеряла свой идеально ровный вид, а глаза неотрывно смотрели на вычищенные ботинки. Шумно втянув воздух, артистка тихо постучала о железную поверхность одними только костяшками пальцев. Дверь незамедлительно распахнулась, будто бы человек за ней только и выжидал прихода девушки.

– Явилась-таки, Грейс.

Девушку передёрнуло. Пальцы сильнее сжали трость. Мужчина средних лет в джинсах и серой полосатой рубашке зажимал зажжённую сигарету в зубах, наблюдая за актрисой.

– Доброго утра, – от насмешливой интонации на повышенных тонах не осталось и следа.

– Смотри в глаза, когда говоришь со старшими, – костлявые пальцы до боли сжали подбородок Графини, поднимая его.

Владелец цирка достал изо рта сигарету, выдыхая дым девушки в лицо и продолжая хриплым голосом:

– Угадаешь, в чём провинилась *на этот раз*?

– Понятия не имею о чём вы, – взгляд снова опустился вниз. Щёку актрисы пронзило обжигающей болью.

Окурок падает на землю, а чужая рука перемещается на горло, предупреждая его сдавливая.

– За придурка меня держишь, девчонка?! Ещё хоть раз увижу, как ты своей палкой будешь Морзянку отстукивать, лишишься второго глаза. Я понятно выразился?

– Вполне...

– Ещё раз, – рука сжимается сильнее, – *тебе всё понятно?*

– Всё ясно.

Пальцы разжимаются, и артистка прижимает руку к свежему ожогу, жадно хватая ртом воздух. Дверь захлопывается, обрывая разговор. Прокашлявшись, Графиня выпрямляется и надвигает глазную повязку ниже, скрывая ранение. Смахнув с костюма осыпавшийся пепел, девушка разворачивается на пятках и идёт обратно в центр веселья. На лице вновь играет улыбка, словно минуту назад ничего не произошло. Артистка в какой-то степени выглядела довольной собой, как показалось Говарду.

Слегка ускорив шаг, девушка мимолётом глянула на дере-

вянную доску для объявлений, которая была увешана афишами. Каждая из них переливалась на солнце и кричала о предстоящем шоу. У главного входа в шатёр успел выстроиться ряд зрителей, которым натерпелось поскорее занять свои места. Только завидев их, Графиня поспешила скрыться от множества пар глаз, поэтому вернулась к потрёпанной доске с объявлениями и проскользнула в замаскированный проход для работников цирка и поспешила к остальным актёрам.

В полумраке мелькали редкие огни прожекторов, которые изредка пробивались сквозь плотные занавесы. Говард, не дожидаясь артистку, проскользнул на манеж, оглядываясь по сторонам. Практически все места были заняты, а сколько людей ещё ждали на входе! Низкая дама в бело-красном платье улыбалась зрителям, проверяя их билеты и подсказывая, как лучше пройти на свободные места в ложе. Оркестр играл незатейливую мелодию, дополняя гомон разговоров со всех сторон.

Как только женщина у входа исчезла, смыкая разрезанную часть шатра, огни погасли, а за ними смолкла и музыка. Одинокий луч света опустился в центр манежа, выделяя из мрака белое пятно. Разговоры становились всё тише и тише, пока окончательно не сошли на нет.

Стук каблуков едва слышно отдавался от деревянной платформы, и Графиня предстала перед зрителями, обводя их взглядом. Говард, стоящий в темноте прямо под боком

артистки ощутил на себе невероятное давление, будто бы это на него обращены десятки или даже сотни пар глаз.

– Дамы и господа, леди и джентльмены... – звонкий голос разрезал тишину.

Полосатая ткань и застывшие в предвкушении лица поплыли перед глазами, полицейский упал на колени, сливаясь с окружающим мраком и растворяясь в нём.

Акт второй. Изначально.

Я медленно открыла глаза, тут же зажмуривая их из-за слишком яркого солнца, что пробивалось сквозь незакрытые шторы. Часы у кровати показывали полседьмого, а на улице был слышен смех и голоса, наперебой рассказывающие о чём-то. На себе я заметила брюки с рубашкой, а на полу небрежно лежали трость с фраком: такой внешний вид был обязан вчерашней изнуряющей репетицией. В целом, всё было как обычно. Отчего-то меня не покидало странное предчувствие. Будто бы совсем скоро должно произойти нечто грандиозное, а вот в хорошем ключе или плохом – неясно. Хотя чувство нарастающей опасности в цирке вполне себе логично могло и не отступать вовсе, учитывая всю рискованность здешних артистов, которые время от времени любили побаловаться с колюще-режущее-полыхающими предметами.

Немного покрутившись у зеркала, которое занимало собой ббольшую часть одной из стен, я прогнала остатки сонливости и вышла на улицу, хлопнув за собой дверь. Осенний ветер подхватывал опавшие листья, унося их всё дальше и дальше. Наше маленькое цирковое поселение, состоящие из вагончиков, от лишних глаз скрывал за собой лес. Хотя деревья преимущественно находились за вагончиками, их ветви всё равно внушали чувство скрытости и даже некой безопасности. А сейчас к тому же этот самый лес пестрил

всем спектром оранжево-жёлтых цветов. Из-за этого буйства красок вся территория цирка будто была обхвачена огнём, а землю покрыл пёстрый ковёр. Да и “местные” своим внешним видом прекрасно дополняли эту картину.

За одним из деревьев вновь послышались уже было притихшие голоса. Прямо перед одним из жилищ росла невысокая яблоня: не особо красивая, с постоянно опадающими недозревшими яблоками и длинными кривыми ветвями. Среди леса вокруг она выглядела так одиноко, что всем цирковым составом уговаривали оставить бедное дерево в покое. А уже потом, кто-то донельзя остроумный, даже назвал яблоню “*Vae soli*³”, а остальные и подхватили, прозвав новую подругу Соли.

Шурша листьями, я подошла к источнику звуков, приваливаясь плечом к стволу дерева.

– ...так я и ответила, дорогая, разве не очевидно?

На одной из низко склонившихся ветвей сидела артистка с синими волосами, краска на которых местами уже смылась в нежно-голубой оттенок, а у корней просматривался натуральный – светло-русый – цвет шевелюры. Ноги в сапогах по колено качались, чуть ли не касаясь земли. От прохладного ветра чёрное боди, больше походившее на летний купальник, не сильно спасало, так что двумя руками она обхватила себя за плечи. Ещё одна, очевидно лишняя для нормального человека, пара рук тоже была занята: одна из них держала

---

³ Горе одинокому (лат.)

тлевшую сигарету, а вторая яро жестикулировала, компенсируя тихий голос.

– Элле, доброе утро. – поздоровалась я, обращая на себя внимание.

– А-а-а, Грейс, лапочка, это ты, – артистка на ветке повернула голову, свободной рукой отбрасывая за спину длинные волосы. Моя улыбка слегка скривилась, заставляя Элле осечься. – Ах да, прошу простить, Графиня. И отчего ты так своё имя не любишь, дорогая?

– Напряги пару своих извилин, по имени к Графине обращается только один человек, – прошипел кто-то снизу.

В небольшой куче листьев под яблоней сидела ещё одна девушка. Рыжие волосы, заплетённые в причёску из нескольких скрученных кос, были усыпаны жёлтыми листочками, периодически падающими сверху. Черный комбинезон с полупрозрачными рукавами и штанинами открывал вид на будто бы обгоревшие или покрытые сажей части тела, а из-под слоя оранжевых теней недовольно сверкали серые глаза.

– И тебе доброе утро, Тира, – я посмотрела на неё, пытаюсь передать благодарность через один только взгляд, таким образом говорила на языке фаерщицы. На обращение к себе по настоящему имени я не боялась, но уж каким-то больно непривычным оно стало, а всё от того, что Графиней меня стали звать в шутку, которая переросла в нечто большее.

– Да-да, – “огненная” девушка ещё ниже сползла по стволу дерева, зарываясь в листву, всё же мигнув мне в ответ “Да

не за что”.

– Лапочка, а чего ты с утра уже при параде? До первого выступления почти два часа.

– Элле, Вы же знаете, что у нас не может быть разный график. Встал один – просыпаются и остальные, – в подкреплении моих слов со стороны аттракционов послышались визги и смех.

– Прислушайся, крылатая, тебе дело говорят, – буркнула Тира. – Хватит тягать меня ни свет не заря к этой чёртовой яблоне.

– Не злись, дорогуша, – тихо рассмеялась Элле. – Свежий воздух полезен для здоровья, и не стоит так грубо отзываться о нашей любимой Соли.

Из-под листвы послышалось недовольное бурчание. Элле прикрыла глаза и поднесла сигару к губам, вдыхая дым. Я ещё мгновение понаблюдала за ними и удалилась, напомнив про общий завтрак в обычное время.

На самом деле, любовь Элле к одинокой яблоне было легко понять: утром территория, не запылённая оживлёнными зрителями, была довольно пустынной и именно сидя на этом деревце можно было рассмотреть её практически полностью. Со всех сторон окружённый другими постройками шатёр, конечно же, возвышался в самом центре. Прямо за ним стояла карусель, переливающаяся на солнце фигурками лошадей. Рядом сейчас сустились работники цирка, пытающиеся как можно удачней на маленькую площадку вместить

три надувных замка. Между ними, мешая работе взрослых, в догонялки играли ещё пара цирковых обитателей.

Перехватив трость поудобнее, я попыталась сбавить громкость своих шагов, но в этом необходимости, как таковой, не было. Дети, полностью погруженные в игру, не заметили бы даже движущийся на них танк. Спрятавшись за одной из фигур карусели, я стала прислушиваться к нарастающим шагам. Как только смех был слышен совсем близко, я ухмыльнулась самой себе, выставляя руку с тростью из укрытия.

– Не догонишь, не догонишь... ауч! – в преграду врезался темноволосый мальчик в синем акробатическом костюме. Он повернул голову в бок, встречаясь с насмешкой в моём единственном глазе. – Графиня! А что ты...

– Попался!

Я быстро убрала вытянутую руку с тростью. Сиамские близнецы – Рик и Рей – налетели на свою жертву, сбивая мальчика с ног и падая следом. Тут же все трое начали вставать, смеясь пуще прежнего, так что я тоже не удержалась от улыбки.

– Графиня!

– Доброе утро! – договаривая друг за другом, поприветствовали меня близнецы.

– А вам разве не говорили, что не стоит мешать старшим, когда они работают? – склонив голову к плечу, я попыталась добавить в голос хотя бы немного строгих ноток, что выходило из рук вон плохо.

– Мы знаем! Но нам разрешили. – протараторил акробат, разминая руки, путём сворачивания их под непонятными углами.

– Херд праву говорит! – согласились Рик и Рей.

Как живое доказательство их слов, из-за шатра с невероятной скоростью вывернул ещё один парень, но он был явно взрослее, чем остальные игроки. Бело-оранжевая полосатая рубашка свободно болталась на нём, будучи не заправленной в такие же полосатые, но уже чёрно-белые, штаны. Он улыбался во все тридцать два, направляясь прямо в их сторону. Я вновь лениво подняла свою трость и через мгновение блондин врезался в неё, с трудом восстанавливая равновесие. Он схватился за внезапно появившуюся преграду и провел пальцами до рукоятки, всё так же смотря в пустоту.

– Вот так встреча! Графиня и вне своих хором, надо же, – циркач, всё так же не поворачивал головы, просто стоял и смотрел своими стеклянными белыми глазами в даль. – Чем достоин внимания представителя голубой крови?

– Ноа, опять Вы позволяете младшим хулиганить? – перебила его я.

– Что же ты такое говоришь! Да я же ту главный пример для подражания, – он наугад сгрёб в охапку рядом стоящего Херда и потрепал того по голове. – Мы просто разминаемся перед выступлением как ответственные работники. Правда, парни?

– Именно!

– Так точно!

Не дождавшись ответа, Ноа прокричал: “А теперь бежим, пока нам не надавали заданий!” и все четверо унеслись прочь, заливая двор смехом. Смотря на удаляющуюся компанию, я понадеялась, что они помнят про общее собрание. Хотя, если быть совсем уж честной, эта команда под кодовым названием “Ходячий Ураган” действительно ответственно являлась на каждый завтрак, но ничем не интересовалась, кроме поедания всего, что попадалось под руку.

Искать других циркачей ни желания, ни смысла не было. Заботливо прибитые за ремешок наручные часы на деревянной доске у заднего – скрытого – входа в шатёр показывали без двух минут семь. Рядом еле-еле держался клочок бумажки с надписью “Опоздание прощается только белым кроликам!” с подмигивающим человечком в углу. Тут же было и расписание номеров грядущего выступления, незаконченная партия в крестики-нолики и рисунок не очень симпатичного кота. Этим стендом пользовались только артисты, кто-то для сообщения другим важной информации, а кто-то забавы ради.

В отличие от главного входа, проход для актёров сложно было назвать хотя бы презентабельным. Если не знать, что через эту, как выражаются некоторые, “рваную тряпку”, можно попасть в шатёр, то даже доска рядом послужит плохим ориентиром.

***

Внутри, как это бывает каждое утро перед началом цепочки шоу, царил слегка мрачная атмосфера. В гардеробной артистов, среди рядов вешалок с костюмами в чехлах, посреди длинной комнаты на подобии круга лежало двенадцать подушек. По углам кое-как были раскиданы ночники и фонарики, чтобы осветить пространство без помощи чересчур ярких лампочек на потолке. Пришла я, как обычно, последней. Закрыв за собой дверь и подперев её стулом, я села на свободное место около безрукого парня – Фокусника – одетого практически в точности как я. Первым молчание прервал Ноа:

– А что, в этот раз у нас завтрак без завтрака, или питаемся святым духом? – сказал он, водя перед собой рукой в поиске тарелки. На него тут же начали шикать и шипеть со всех сторон.

– Слови-ка тишину, слепой, – прошептала рядом с ним Тира, закидывая рыжую косу за спину так, что она со щелчком попала Ноа прямо по носу.

– Сколько осталось до начала первого шоу? – поинтересовался некто из тёмного угла.

– Первое выступление, как обычно, в полдевятого. И кому вообще в голову идея приходит ехать чёрт пойми куда, чтобы поглазеть на нас в такую рань... – пробурчал Фокусник у меня под боком. Он был одним из тех, кто при возможности спал бы вплоть до обеда.

Но, всё же, продолжил безрукий со своей обычной вооду-

шевлённостью, насколько это возможно было сделать шёпотом:

– Сегодня здесь все, – оповестил он меня. – Вход сторожит Тея.

Тея – клоунесса, что приезжает сюда только в дни выступлений, развлекая детей до и после шоу. Может, будь я здесь во время принятия решения о том, кто будет остерегать наши разговоры от лишних ушей, то выступила бы против этой девушки с длинными жёлтыми косами. Но, раз по мнению остальных сегодня в сборе должны быть все, то пускай будет так. Возможно, звон её колокольчиков даже и заглушит наши голоса, есть в этом что-то разумное...

Пока я раздумывала о клоунессе, сторожащей наши тайны, остальные выжидающе молчали. Я тоже притихла, ведь сегодняшнее собрание было организовано не по моей инициативе. Поймав на себе пару взглядов, я заметила, что никто упорно не хочет смотреть мне в лицо. Протянув к нему руку, я удостоверилась, что чёрная повязка занимает своё место, так что поводов не смотреть на мой второй – отсутствующий – глаз ни у кого не было – левую часть лица закрывала собой холщовая ткань.

Из угла послышался надрывной кашель. Все тут же встрепенулись, выходя из транса, но всё так же избегали встречи глазами со мной. Я изогнула бровь в немом вопросе, повернувшись к Фокуснику. Он только поджал губы, всё же глядя в черноту моего единственного глаза. Неожиданно для меня,

молчание вновь прервал Ноа, но в этот раз уже без своего обычно насмешливого тона, водя рукой по своим короткостриженным волосам:

– Графиня, а помнишь ли ты, что сегодня за дата?

Вот теперь и стало понятно, что собрание организовали не без меня, а для меня. И это было именно собрание, не завтрак, хотя тот же самый Ноа был в какой-то степени удивлён, что не обнаружил здесь еды, значит было это не наше традиционное начало дня выступлений. Играет ли роль сегодняшняя дата? На дворе тринадцатое октября, а это значит... *перетасовка*.

Видимо, тень проскользнула по моему лицу, ведь Элле начала нервно стучать пальцами по полу. Эта мерная дробь была, кажется, выжжена у меня в памяти, как и у остальных тут, ведь собраны мы здесь были общим горем.

***

“...Мигающий свет ламп разливался по белым стенам, в которые въелся запах спирта и лекарств. Из соседней комнаты доносился крик, периодически срывающийся на плач, что с каждой минутой становился всё слабее и слабее. Как только наступает тишина, она начинает давить со всех сторон, смешиваясь с пропитавшим воздух страхом, но её тут же заменяет тиканье. Оно раздаётся отовсюду, пробираясь под кожу и отсчитывая секунды до чего-то, будто бы за ним должен последовать как минимум взрыв, который сравнивает это проклятое место с землёй. В заброшенной больнице пусто,

но она переполнена до краёв. За её стенами осталось нечто важное, но мысли путаются и не позволяют добраться до таких необходимых крохотных отрывков.

Девушка лежит на полу. Окружённая периодически наступающей тьмой, сквозь неё она пытается прожечь взглядом потолок, пробивая себе путь на волю. Девушка единственная здесь *помнит*, хотя всё, что ей известно сейчас перемешивается между собой. Она помнит ужасное прошлое вне этих стен. Помнит, что холодные бетонные плиты на улице и вечно неотступающий голод были лучше. Она помнит, что слишком дорогой костюм никак не вписывался в картину грязных закоулков. И она, конечно же, помнит надпись, выцапанную за кроватью, которая умоляла не притрагиваться к сомнительным таблеткам, насколько бы больно ни было.

Стены за кроватью в целом были изрезаны подписями. Прорези их были настолько глубокими, словно писал человек, который после содеянного не смог бы сам увидеть свои тексты, а ориентировался лишь по углублениям в поцарапанной штукатурке. Здесь было много рассказов, которые каким-то чудом оставались невидимыми для всего персонала. Найти их мог лишь тот, кто ищет.

Здесь была и история о женщине, которая своим даром предсказывала людям будущее в захудалом месте, бегала от ярмарки к ярмарке, пряталась за тканью тёмных палаток и спала на улицах. Взамен на право пользоваться её способностями, здесь ей дали третий глаз, причём самый что ни на

есть настоящий, хотя сама она о таких подарках не просила.

Здесь был и рассказ о братьях, которые слонялись по улицам после смерти родителей и отказывались отпускать друг друга, ища в самих себе поддержку. И даже здесь они ни за что не согласились расставаться, но желание их не восприняли должным образом, сделав так, что братья больше никогда не смогут отпустить друг друга, причём в прямом смысле этого выражения.

Здесь была всего пара строк о мальчишке, которого забрали из другого цирка за назначенную цену, и даже делать с ним ничего не стали. Однако не упустили возможности здешние вечные обитатели в белых халатах поиздеваться над бедным ребёнком, промывая юному акробату мозги.

Здесь всего пара слов вразброс была выцарапана о двоих друзьях, что еле-еле сводили концы с концами, ночуя на вокзалах и питаясь объедками. Их приютили, но и это было не безвозмездно, так что ноги одного друга отдали другому, превращая тех в гиганта и карлика.

Здесь была история прекрасной девушки, которую заставили торговать своим телом, но удалось её спасти. Она говорила без усталости, будто бы раньше ей приходилось молчать даже не днями, а целыми неделями. Рассказала она всем – и кому стоило, и тем, кто это против неё использовал, – о своих прошлых, ещё более тяжёлых, обязанностях за швейными машинами. И в придачу к двум измученным рукам ей парили ещё одну пару новых.

Здесь писалось о девушке с огненным характером, которая всё же обожглась. И её ловкие руки, которые она использовала как карманник, добывая себе средства на пропитание, сменили на будто бы обугленные части тела, делая из девушки подобие Франкенштейна из кусочков других людей.

Здесь совсем расплывчато говорилось о некой девочке-рыбе или же неправильной русалке, которую отыскивали совершенно случайно и сейчас пристально наблюдают за ней, как за музейным экспонатом.

И совсем мало здесь было об авторе этих баек. О некоем белоглазом юноше, который видит ушами.

Скрипящие шаги в коридоре почти что перебивают злощастное тиканье, и дверь соседней палаты со скрипом открывается, после захлопываясь так, что крохотное окно под потолком, скрытое за железными прутьями, начинает дребезжать. Но криков больше нет. Девушка подскакивает, и, не обращая внимание на головокружение, порывается к двери. Припрятанная заколка, что выпала из причёски легкомысленной медсестры, несколько раз выскользывает из дрожащих пальцев, пока заевший замок наконец-то не поддаётся.

В коридоре тиканье ещё громче. Не отрывая взгляд от двери, в которую недавно зашёл обладатель резиновых сапог, девушка пятится назад, а после разворачивается и срывается на бег. Стены, пол, потолок, мигающие лампы – всё скручивается и сливается друг с другом. Палата с железной номерной табличкой оказывается заперта. Пару ударов ногой,

и старые замки не выдерживают, горой щепок осыпая порог. В ушах звенит, а глаза беспорядочно мечутся по маленькому помещению.

Под одеялом, измазанном красными пятнами, свернулась тощая фигурка. Она не реагирует ни на зов девушки, ни на грохот приближающихся шагов. Когда руки в перчатках выталкивают девушку за дверь, она видит пометки маркером на железном номере палаты, перечёркивающие номер двадцать четыре. Собственный номер двадцать три был перечёркнут уже давно, а разговоры о перетасовке в соседнем кабинете становились всё чаще и чаще. В глазах потемнело, а по руке разливалась боль от укола.

Всю ночь потолок разъезжался и двоился в глазах, но девушка всё равно упорно в него смотрела одним единственным глазом, только бы не наткнуться на кривые мелкие буквы за матрасом. На слова о том, чем здесь занимались, и что брали у одних, отдавая другим, как в сказке про Робин Гуда. В неровном заборе предложений появилась и ещё одна надпись каллиграфическим почерком. Надпись, которая тоже рассказывала свою историю о мальчике, что потерял здесь руки, но призрачный образ всё равно следовал за ним, позволяя творить магию безо всякой ловкости. Фокусник знал про этот рассказ, состоящий из ровно двадцати четырёх букв и каждый раз умудрялся передавать записки на салфетках при мимолётных встречах в узких проходах с надеждой оставить эти слова всего лишь легендой.

Следующее утро было окрашено суетой и голосами, будто бы через слой воды. Сон никак не хотел отступать, заставляя девушку утопать в себе вновь и вновь. Последнее пробуждение принесло за собой вспышки света перед глазами и улыбающееся лицо сутулого мужчины в строгом костюме. Боковое зрение улавливало рядом знакомого безрукого друга. Речи мужчины проходили мимо, но главная суть засела в голове рядом со старыми воспоминаниями, которые должны были исчезнуть.

Теперь девушку зовут Графиней, за то богатство знаний о тайном и недоступном другим. Среди сломанных артистов она продолжает обращаться к любому исключительно уважительно, помня наказания за осечки в белоснежном кошмаре. И слагает она здесь песни, чтобы стены, у которых всегда есть уши, не смогли со всем остальными узнать о том, что она *помнит*.”

***

Я встряхиваю головой, отбиваясь от нахлынувших воспоминаний, которые проматываются в голове, слово чёрно-белый фильм. Ноа всё ещё сверлит меня своими пустыми глазами, ожидая ответа на свой вопрос. Я киваю, а потом, опомнившись, озвучивая свой ответ вслух.

Перетасовка происходит каждый год в один и тот же день. Мне до сих пор неясно, отчего её называли именно так, но различного рода наименования здесь разлетались с невероятной скоростью, а вот историю их происхождения не пом-

нил никто. Хотя я и нахожусь в цирке всего два года и успела увидеть это событие всего один раз, мне хватило и этого. Наверное, именно из-за того, что Ноа слеп, он является артистом, дольше всего пробывшим здесь. В прошлый раз наша труппа лишилась двух циркачей, чьи болезни не позволяли им в совершенстве исполнять номера. К сожалению, даже я не могу сказать, что происходит с теми, кто повторно возвращаются в больницу, хотя с Фокусником мы попытались обследовать каждый доступный нам уголок того злосчастного места. Однако среди перечня правил, прописанных в документах, есть и ещё одно, негласное: никогда нельзя винить в потере друзей новых циркачей. Ведь когда каждый из нас занял чужое место среди двенадцати...

Вновь окунувшись в размышления, не сразу понимаю, что остальные уже начали что-то обсуждать. Прислушиваюсь к разговору, пытаюсь вникнуть в его суть, но всё никак не могу понять, о чём идёт речь.

– Нам точно следует отпраздновать... – медленно протягивает кто-то из плохо освещенного угла, но по голосу я всё же могу узнать в этом “некто” Нанну – ещё одну фокусницу, вид которой у некоторых всё ещё вызывает дрожь. Могу поклясться, что из темноты я могла кожей ощущать пристальный взгляд её неестественно вытянутых зрачков.

– Да, рыбка права, – Элле всё не перестаёт стучать по полу пальцами, подключив к этому занятию ещё одну руку, при этом мельком поглядывая на меня. – Давайте закажем торт.

– Да, закажем торт с одиннадцатью свечами, в честь наступающего ноября! – подхватывает Ноа.

– Торт? – шепчу я.

– Да-да, немного торта не помешает. – соглашается хрипловатым голосом Елизавета, она же Тётя Лиз, сверкая своим третьим глазом. – Но по мне, Графинушка не хочет сладкого, а моему чутью доверять можно и даже нужно, дорогие мои.

Я хотела бы возразить или хотя бы спросить, зачем на вообще праздновать приближение ноября, но око на лбу Тёти Лиз смотрело прямо на меня, в отличие от её, так сказать, основной пары глаз, поэтому решаюсь промолчать, проглотив все возникающие вопросы. Из-за чего-то я пропустила тот момент, когда разговоры с шёпота перешли на обычную для нас громкость. И, кажется, никто либо не заметил этого, либо тема обсуждения перескочила на вполне себе пригодную для чужих ушей. Но, как это обычно и бывает, всегда остаётся третий вариант...

– К сожалению, мы не сможем отменить заказ на торт, – разводит руками Ноа, – но Графиня может поговорить не с доставщиком, а с его конкурентом, ведь приедет сюда первым, правда?

– Правда-правда, – протянула Элле. – Я как раз с ним договорилась, он будет здесь прямо на первом выступлении. Графиня, дорогая, ты же поговоришь с ним? Без тебя мы не хотим этот торт, – она продолжает стучать своими ногтями по полу, но прерывающиеся звуки начинают скалываться в

последовательность из повторяющегося “Пора бежать!”.

По этим мимолётным взглядам, отчеканенным стуком шифрам и разговорами только между парой людей, которые знали и слышали чуть больше остальных, становится понятно, что никакого торта и в помине нет. Если честно, то для достаточно внимательных посторонних слушателей (если они, конечно же, имелись, чего все присутствующим очень и очень опасались) даже без этих крупниц знаний о членах труппы заказ на десерт для празднования последнего месяца осени в середине октября покажется, мягко говоря, странным. Что может быть настолько важным, о чём открыто небезопасно говорить даже на завтрак?

Фокусник наклоняется ко мне, собираясь что-то спросить, но его прерывает стук, вперемешку со звоном. Я поднимаюсь и убираю стул у входа в сторону. Тут же дверь распахивается, заставляя практически всех сидящих внутри гардеробной зажмуриться из-за чересчур яркого света. Тея звенит своими колокольчиками и крутит в спрятанных красными перчатками руках часы на цепочке, сверкая своими разноцветными глазами. Жёлтые косы сияют небрежно вплетёнными в них лентами с металлическим отблеском, что делает внезапную световую атаку по нашим глазам ещё более коварной. Но клоунессу недовольно сморщенные лица ни капли не смущают, оттого кривая улыбка ползёт ещё выше, а глаза при этом сузились до такой степени, что нарисованные спирали на щеках начинают расплываться, смешиваясь

в одно цветное пятно в этом чёрно-бело-красно-жёлтом позитивном ужасе.

– Тик-так! – не переставая улыбаться, кричит она. – Перерыв окончен! Отрываем ножки от земли и летим покорять сердца зрителей! ³

Акт третий. Звёздный час.

Напоследок покачав перед нами тикающими часами, Тея удаляется. Смотрю в её спину, пока она не выходит из шатра. За моей спиной слышится копошение: все встают со своим мест, выключают фонари, поправляют наряды и всё ещё о чём-то переговариваются. Проходя мимо меня, Фокусник бегло бросает, что нам стоит поговорить после шоу, и желает удачи. Гардеробная оживает, но при этом теряет всю ту магию утренних завтраков. Теперь до окончания дня, а после и до следующей субботы, она будет использоваться исключительно по её изначальному предназначению. Меня слегка печалит внезапное осознание такой очевидной вещи, ведь сегодня было получено больше вопросов, чем ответов. Однако теперь решение этой задачи остаётся только на мне.

Первое выступление начинается совсем скоро, так что медлить нельзя. Для кого-то полчаса не покажутся маленьким количеством времени, но в окружении суеты этот отрывок ощущается до невозможного кротким. И вот, выходя из потерявшей таинственность гардеробной для артистов, я оказываюсь с головой погружена в эту самую суету. Удивительно, но сегодня в шатре места стало будто бы намного меньше. По обычно почти что пустующей территории за кулисами носились музыканты, настраивая свои инструменты и натирая их до блеска тряпками, которые годились раз-

ве что для мытья полов, но это их никак не останавливало. Половина циркачей куда-то испарилась, а вторая бегала туда-сюда, крича что-то о пропаже своего инвентаря. Здесь присутствовали даже Таракашки – работники, что следили за исправной работой технического оборудования и разного рода креплений. Действительно, прозвище своё они сегодня оправдывали сполна, выползши из своих комнат для отдыха и мелькая в глазах коричневыми пятнами рабочей униформы.

От этого кошмара стоило укрыться, пока и меня не затянуло в круговорот предвкушения и лёгкой паники. Проскользнула идея пойти подышать свежим воздухом в компании молчаливой Соли, у корней которой всегда на случай внезапной тревожности была припрятана чья-то бутылка с сомнительной на вид жидкостью. Но взвесив все “за” и “против”, уж лучше было сбежать в гримёрку, чем ловить на себе взгляды ждущих представления детей и их родителей, попутно приветствуя наплывшие из неоткуда знакомые и незнакомые лица.

Миновав пару кричащих Таракашек, проскользнув за спиной у спорящего с дирижёром Ноа и поймав летящий в мою сторону мяч, я успешно добралась до другого конца этого, так называемого, коридора, попадая в спасительную для меня комнату. Гримёрка была всецело моих (и пары вспомогательных) рук творением. В целом, представляла она собой ящик из фанерных листов, обставленный изнутри всеми до-

ступными нам цирковыми богатствами: освещало помещение обилие гирлянд, которые мигали и переливались всеми оттенками радуги под потолком; кого-то это свечение крайне нервировало, но я находила этот ужас эпилептиков очень даже успокаивающим. Чудом вместившийся сюда стеллаж занимал почти всю гримёрку, а полки его ломились от головных уборов, праздничных масок, непонятного реквизита, да и всего остального, до чего смогли добраться циркачи, утаскивая вещицы с собой. Остальное же пространство было занято парочкой стульев с горами одежды, захламлённым косметикой и красками столом, да парой подушек на полу. Стены тоже пустыми не оставили: крючки для вещей (хотя и непонятно, откуда они у нас берутся в таком объёме, я считаю, что это ещё одна тайна нашего цирка), немного треснувшее при перемещении зеркало и невероятное количество фотографий тут тоже присутствовали, ловя на себе отблески цветных огней.

Сейчас же в гримёрке присутствовал ещё один “предмет интерьера”. Фокусник сидел на полу, закинув ноги на столик, который жалобно скрипнул, стоило ему слегка сменить свою позу. Он запрокинул голову назад, дуя на застывшую в воздухе карту, этим самым заставляя её левитировать. Моё появление сбивает концентрацию, и карточка медленно опускается Фокуснику на лицо. Тем не менее, он улыбается мне, выпрямляясь, и пиковый туз падает на пол, указывая на ме-

ня своим остриём⁴.

– Графиня, а я как раз тебя и ждал! Я попросил побеседовать со мной, а где же это можно сделать, помимо этого места, этого самого места?

Я несколько раз киваю головой в знак согласия, садясь на табуретку у зеркала и прислоняя трость к стене. Сегодня Фокусник даже ещё более воодушевлённый, чем раньше. Но и повод есть: номер свой он подготавливал месяцами, а на выступлениях показывая старые трюки, так что сегодня, по его мнению, всё должно пройти идеально, и никак иначе. “Идеально” – для нашего цирка понятие крайне расплывчатое. Удачным номер можно считать и при полном соответствии с намеченным планом, и при отсутствии травм циркача, да подожжённого брезента шатра.

– Ты меня слушаешь, а? Слушаешь? – Фокусник качнул стол ногой, опять привлекая к себе внимание. – Ты слышала, о чём на завтраке говорили? Торт для праздника, торт! Бессмыслица какая-то, может, хоть ты мне пояснишь, зачем нам это всё?

– Зачем? Да нет никакого торта, – я вопросительно смотрю на него. – Разве не понятно?

– Опять этот Ноа с загадками... – протянул он. – Но ты-то мне пояснишь? Мне вот ничего на ум не приходит, ничего!

Объяснить? Возможно, замешательство проскользнуло на

---

⁴ Перевернутый Пиковый Туз в гадании намекает на весьма опасные и печальные обстоятельства.

моём лице, потому что Фокусник растянул улыбку ещё шире. Раз он не знает о “торте”, Ноа провернул всё в узком кругу. Да, я действительно могу поделиться предположениями о возможном значении этого странного разговора, но почему-то слова застревают в горле. Единственное, в чём я была уверена на все сто процентов, если даже не на сто один, так это предназначение загадки именно мне. От вредности Ноа или от опасения попадания важной информации в чужие руки – неясно. Всё же я вздыхаю, делая вид профессора, который объясняет очевидную ошибку недалёкому ученику:

– Конечно же торт – это Хозяин, как иначе. Все работники цирка собрались под шатром, значит, он придёт на выступление, а я должна отговорить его от этого, а то повыгоняют нас всех из-за некомпетентности.

Фокусник тянет понятливое “А-а-а”, меняясь в лице, будто я озвучила все его мысли. С каким бы умным видом он на меня ни смотрел, слова свои я назад брать не буду. Очевидно, что это ложь, и он тоже это понял, но не просит заменить её на правду. Хочу спросить, зачем он расспрашивает об этом меня, но в гримёрку врывается Ноа, спотыкаясь о провод у двери и с грохотом падая на пол.

– Графиня, ай да Графиня! Ни капли стресса, ни крупицы паники. Сама собранность, как я погляжу! – глядит он в пол, но, если бы и смотрел на меня, картина в его стеклянных глазах не изменилась бы. – А мы тебя совсем заждались, до шоу считанные минуты, а конференсье чай пьёт.

Ноа ощупывает пол на признак начатого без него чаепития, но натывается только на ноги Фокусника, которые тот опустил со стола.

– А вот и ещё одна пропажа нашлась. Альберт, а ты должен покорить сердца зрителей вдвойне, прямо как в последний раз!

Фокусник фыркает, закатывая глаза, но улыбку с лица не убирает, рассчитывая на то, что она будет слышна в его голосе.

– Конечно, метатель, конечно! Ты только мою ассистентку не кради, как на прошлом выступлении.

Фокусник встаёт со своего места под раскаянья Ноа о содеянном ранее и его же обещания больше не занимать Элле своими номерами, после которых она была белой, как лист бумаги. Я выхожу вслед за парнями, всё ещё слушая их шутивную перепалку.

Около занавес собралась вся наша труппа: кто-то нервно грыз ногти, другие разминались и перебирали реквизит, третьи глядели на зрителей сквозь щели занавес, кто-то даже молился, если слух меня не подводил. На первый взгляд могло показаться, что все с ума сходят от нервов, но для каждого из нас такое ожидание было равносильно небывалому азарту, ведь именно сейчас можно было додумать к своему выступлению новые детали, чтобы заставить волноваться не только публику, но и других артистов, которые обязательно будут наблюдать из тени.

Кто-то из Таракашек похлопал меня по плечу, сообщая, что всё оборудование работает исправно, словно при его неправильной работе они бы стали что-то срочно предпринимать, а я очень сомневалась, что хотя бы половина из них обладает должными для этого знаниями. Основное умение Таракашек – не попадаться на глаза. Возможно, по этому критерию их и принимали на работу, но этого мне узнать не удастся. Всё же за оповещение я поблагодарила, тут же краем глаза подмечая, что стало значительно темнее, а это означало только одно...

– Давай, ни пуха! – шепнула Тётя Лиз, поправляя ворот моей рубашки.

Оркестр играл всё тише и тише, пока не осталась лишь барабанная дробь. Дальше всё прошло, как в тумане: эхом отдавался стук каблучков моих ботинок, а собственный голос звучал будто бы издалека. Отчеканив приветственную речь, я была окружена аплодисментами и вновь нарастающей музыкой. Как только я покинула сцену, единственный луч прожектора сменился на полноценное освещение манежа. Там – без оглашения, как и всегда – появился Фокусник из облака дыма, тут же привлекая всеобщее внимание в себе. Я задержалась в тени на пару секунд, наблюдая за ним со спины, пока меня не попросили отойти в сторону, дабы вывезти необходимые для магического шоу вещи.

Как в зрительском зале, так и за кулисами все глаза были направлены на одного лишь Фокусника. Проскользнув за

занавес, я встала поодаль других циркачей, вместе с ними наблюдая за представлением. Пальцы будто бы против моей воли сильнее сжимали трость, хотя я знала, что номер обязан быть удачным. Фокусник колдовал над ящиком, который вывезли на сцену, без помощи отсутствующих рук это зрелище казалось крайне комичным, Тея могла бы даже позавидовать: чёрная коробка не хотела складываться, манекен, лежавший в ней, тоже ломался и совсем не выглядел как живая девушка. Кое-как наконец-то разобравшись со всем этим, он осел на полу манежа около распиленного ящика, как будто бы принимая своё поражение. Но – о чудо! – рука “манекена” поднимается, протягивая Фокуснику платок, который он берёт пальцами (настолько элегантно, насколько это вообще возможно сделать ногой), делая вид, будто бы утирает горькие слёзы неудачи. Я могла бы присоединиться к общему удивлению и замороженно хлопая, если бы, конечно, не знала весь сценарий этого номера с самого начала. Фокусник собирает ящик обратно, позволяя внезапно ожившей кукле вылезти из него уже в образе четырехрукой Эллы. Он отдаёт ассистентке белый платок обратно, который из её ладоней вырывается голубем, улетающим из шатра.

Фокусника провожают аплодисментами в центре шатра и встречают ими же в его тени. Таракашки оперативно забирают использованный реквизит и приносят новый, освобождая манеж для Эллы и позволяя ей демонстрировать свои навыки жонглирования самыми странными и разнообразными пред-

метами. На секунду засматриваюсь на развивающуюся ткань её “крыльев” и успеваю заметить, что взгляд её направлен на человека в первом ряду: слегка мрачного, в чёрном костюме и больших круглых очках. Его словно бы вырезали из чёрно-белого альбома, пытаюсь незаметно вклеить в пёструю картину нашей реальности.

За моей спиной уже во всю расхваливают Фокусника и поздравляют с дебютом. Решаю присоединиться к ним и краем глаза подмечаю Ноа, танцующего в обнимку со сломанным манекеном и напевающего что-то о слезке за собой⁵.

– Прекрасно, Фокусник, Вы постарались сегодня на славу.

– Ай, Графиня, прекращай, – он ухмыльнулся, будто бы пытаюсь подражать мне. – Я рад, что своим номером удачно открыл сегодняшнее шоу, невероятно рад.

– Это был намёк на кое-кого? – вставил Ноа, заканчивая свой причудливый танец с куклой и подключаясь к беседе.

Рядом фыркнула Тира, закатывая глаза:

– Я хотя бы не перевожу голубей зря, каждый раз одно и то же... Где вы их вообще находите? – она перевела полный язвительности и вопрошания взгляд на Фокусника.

– Не раскрываю своих секретов, – подмигнул он.

До моего слуха долетели очередные овации, означающие окончание очередного выступления. Я направилась в сторону манежа, услышав негодования по поводу “голубинового геноцида” сбоку и постаралась подавить рвущийся наружу

---

⁵ Песня Somebody's Watching Me, от Rockwell

смех. По пути Элле похлопала меня по плечу рукой, не занятой кипой вещей, при этом ничего не говоря.

– Давайте же ещё раз похлопаем нашему замечательному фокуснику и его не менее очаровательной ассистентке! – только зайдя на манеж прокричала я, глазами вновь ища гостя из старинных альбомов. Он всё ещё сидел неподвижно, при этом не сводя с меня глаз из-под толстых стёкол очков.

Пригласив следующего циркачей – Рика и Рея, сиамских близнецов – на сцену, я поспешила вновь удалиться. Братьям не требовалась чужая помощь, они сами толкали громадную тележку с невероятным количеством гирь и гантель так, словно она ничего не весила. Хотя и удивляться было нечему – сейчас они всё это будут ещё и поднимать, поражая остальных своей невероятной силой, которая непонятно как умещалась в довольно хилых, на первый взгляд, телах.

Каждый раз, снова и снова, возвращаясь в тень занавес невозможно угадать, что увидишь следующим. Сейчас же всё было даже слишком спокойно. Никаких драк, экспериментов, внезапных танцевальных представлений и гастрономических ужасов, приготовленных из припасённых сладких батончиков и шоколадок. Те, кто уже выступил, отдыхали, те, кому ещё предстоит это делать, разминались или повторяли свои речи. У меня даже холодок по спине пробежал от всеобщей меланхолии. Я опустилась рядом с Элле, обращая на себя её внимание, но стараясь говорить настолько тихо, насколько это возможно, прикрыв облачённой в перчатку ла-

донью рот.

– Пожаловало ли к нам уважаемое лицо? – попыталась всё же завуалировать вопрос я.

– Я крайне тяжело постаралась, чтобы конкурент добрался сюда раньше доставщика, и рада, что ты заметила его, ладочка.

– Мы снова говорим про торт?

– Пожалуй, мы говорим о том, как избавиться от паршивой выпечки, которой не хватит только лишь тебе.

Замечательно. Радовало лишь то, что в голосе Элле не было насмешки или угрозы, просто факт, сказанный без каких-либо эмоций. Она потянулась за сигаретами, отброшенными в сторону, но я перехватила её руку, намекая, что не стоит курить, когда рядом с тобой стоят инструменты фаерщика. Конечно, Элле могла запросто освободить свою кисть из моей хватки или использовать другую руку, но делать этого не стала, понимая намёк. Тира будет крайне недовольна, если прямо перед её выходом что-то пойдёт не так, причём даже не по её вине. При таком раскладе и Элле, и меня за компанию всей труппой будут потом под Соли закапывать, перед этим тщательно собирая наш пепел по всему цирку.

Обдумать реплику Элле мне не дают. С грохотом забегают сиамцы, а это значит, что мне надо начать суетиться и уже выбегать на манеж. Но всё же встаю я без спешки и размеренно вышагиваю по деревянной дорожке в центр шатра. Представляя зрителям Тиру – огненную девушку! – я ста-

раюсь не смотреть на того самого мужчину в первом ряду, но выходит это крайне плохо, глаза так и норовят скоситься в его сторону, пытаюсь разглядеть, кого именно пригласила сюда Элле... своими способами.

Даже не дожидаясь конца моей речи, манеж, от начала занавес и по всему его краю, вспыхивает огнём – небольшой намёк от Тиры, чтобы я поторопилась. Что я, впрочем-то, и делаю. Фаерщица появляется перед зрителями чуть ли не эффектнее Фокусника. Окружённая огнём она сверкает и переливается вышивками на своём костюме, которые оттеняют её чёрные, будто бы сгоревшие, руки от кончиков пальцев и до самых локтей. Все артисты, даже и не особо погружённые в данную тему, понимают, что устраивание шоу с огнём под шатром не только нарушение техники безопасности, но и прямой путь в больницу (а то и куда похуже) при неосторожности выступающего. Для меня до сих пор оставалось загадкой, как деревянная поверхность для выступлений ещё ни разу не сгорала. Тира мастер своего дела, в этом сомнений нет, но если чёрно-белый мужчина на первом ряду это тот, о ком я думаю, нам несдобровать. Хотя инспекция присутствовала на наших шоу и раньше, но никаких вопросов при этом у них не возникало: Хозяин был готов дать им круглую сумму за молчание. Но он не выглядел как все остальные. Этот мужчина явно пришёл сюда без предупреждения – лишь по просьбе Элле, хотя я всё ещё не до конца понимаю, как ей удалось отыскать такого персонажа. Тогда мог

бы возникнуть вопрос о том, откуда Таракашки и музыканты узнали о приходе инспектора, но, разбираясь в том, насколько быстро случайно обронённые здесь слова могли породить новые слухи, все придирки отпадали.

Поймала я себя на том, что всё ещё не вернулась к остальным артистам, а лишь стою в укрытии занавес. Сегодня слишком уж много я витаю в облаках, это к добру не приведёт. Всё ещё не потухшая нить огня у моих ног при ближайшем рассмотрении складывалась в кривые буквы, а они уже в слово “Пора”. Носком туфли я растёрла горячее вещество, превращая надпись в огненную лужицу и всё же покинула пространство манежа.

И вновь, будто бы той минутной хандры и не было. Младшие – Рик с Реем и Херд – носились по кругу, сбивая на своём пути не успевших скрыться Таракашек. Ноа что-то рассказывал Нанне, которая, казалось, и не слушала его вовсе. Луис и Фил – гигант и карлик нашего цирка, которые должны были выходить после Тиры – вели на вид прямо-таки светскую беседу, не хватало им только пары бокалов вина в руках, да моноклей с усами. Сзади ко мне подошла Тётя Лиз, кладя увешанную кольцами руку на моё плечо и звеня множеством бус на шее. Пора бы уже привыкнуть к общей привычке подкрадываться со спины.

– Графиноушка, дорогая, не могла бы ты объявить моё выступление перед антрактом?

Я стала напряжённо вспоминать, когда Тётя Лиз должна

была выходить по данному нам расписанию. Её номер, кажется, должен был закрывать шоу, а так выходит, что его закроем Ноа. Немного рискованный шаг доверять ему шанс закончить представление, ведь неясно, на какой ноте это произойдёт, но и сразу же отметить такой вариант тоже не стоит.

– Не могли бы Вы подсказать, какую цель преследуете? – вместо отказа спрашиваю я.

– Ох, поверь, я ничего такого не замышляю, просто мне хотелось бы уйти на отдых раньше. Старость – не радость, всё же. Да и тебе нужно время подумать над угощением.

Мне хотелось воскликнуть, что этот торт мне будет скоро в кошмарах сниться, да и если вам так надо, испеките сами! Однако я лишь сильнее сжимаю резную рукоятку трости и максимально дружелюбно соглашаюсь с идеей Елизаветы. Она сразу же отходит, оставляя меня один на один со своими мыслями. Через пару глубоких вдохов успокоиться всё же удаётся, ведь разгадывать задачи, данные артистами нашего цирка, нужно только на трезвую голову, а то себе дороже будет.

Возвращаясь на манеж с объявлением следующего номера, я думаю, что желание Тёти Лиз выступить именно сейчас вполне себе логично даже с точки зрения антуража: после Тиры шатёр всё ещё слегка тонул в полупрозрачном дыму, который очень кстати дополнил бы таинственность предсказаний. Елизавета выходит, тоже не дождавшись конца моей речи, при этом три раза щёлкая меня по руке. Удаляюсь в

этот раз довольно эффектно – в дыму, под тихую мелодию флейт из оркестровой ямы. В такие моменты я действительно начинаю жалеть, что моя роль в цирке не пропитана магией.

Скрывшись в бархатных занавесах, начинаю внимательно слушать, даже не замечая, что и остальные чуть ли не задержали дыхание. Тётя Лиз любит говорить тихо. Для убедительности ли, будто бы она делится секретом, или использует избитый ораторский приём – не ясно. Но каждый здесь знает, что среди угадывания занятий и имён случайных зрителей и предсказаний на самые разные темы нужно уметь отделить важную именно для тебя информацию. Тётя Лиз никогда не передаёт записки, не плетёт из информации песни, не рассказывает всё одними только взглядами – она говорит прямо и не таясь. Ведь если хочешь что-то спрятать, нужно положить это на самое видное место, не так ли? Многие до сих пор удивлены, что это работает, да и я скрывать своего удивления не буду, ведь это самое настоящее чудо для здешних стен с ушами.

Вслушиваясь в гипнотизирующий голос Елизаветы, я стараюсь смешать с её словами переданное мне число три.

– Что-то подсказывает мне, что зрители очень недоверчивы сегодня, – обращается Тётя Лиз как будто бы ко всем сразу и одновременно ни к одному из присутствующих. – Жаль, что не удастся мне убедить всех и их спасти, при этом погибая своей верой.

Все слушающие замерли, пытаясь вникнуть в, казалось бы, бессмысленный набор слов. После этой реплики Тётя Лиз повышает свой голос, начиная обычную программу гадания. Она тут же предлагает всем скептикам поднять вверх руку, дабы она могла прямо на их примере продемонстрировать свои способности, прежде чем изречь окончательное гадание. Проще говоря – разогревает публику. Оцепенение спадает и с актёров, которые не услышали сегодня свежих поводов для сплетен или важных напоминаний для себя. А я всё ещё стою на месте, вдыхая пыль, накопившуюся на бархатной ткани, которую, видимо, не чистили с основания этого места.

“Мне очень жаль. Удастся всех спасти, погибая?”

К моему собственному удивлению, эта фраза не оказывает на меня слишком уж сильного поражения, хотя должна была бы. Наоборот, даже приятно, что хотя бы Елизавета – самая что ни на есть любительница двусмысленности и тайн – сказала мне это, не используя тот проклятый торт. Возможно, потому что недоумение и растерянность на моём лице сегодня отражались слишком уж явно, а может, она понимала, что это её последние слова мне. Хотя я, пожалуй, чересчур драматизирую.

Выступление Тёти Лиз проходит как-то уж слишком быстро. Она возвращается к нам, при этом не бросив ни одного взгляда в мою сторону. На негнущихся ногах я выхожу на манеж, объявляя антракт и предлагая зрителям посетить яр-

марку или остаться под шатром, слушая оркестр. В целом, антракт был нужен даже не для отдыха публики или артистов, просто следующий номер требовал тщательной подготовки. Нанна – ещё одна, своего рода, фокусница в нашей труппе, однако, она была самой загадочной из всех присутствующих. Нанна выступала в цирке ещё до моего появления здесь, но сколько точно она здесь живёт мне так и не удалось узнать. О ней, в общем-то, мало знают все, можно собрать буквально по крупице от каждого, так и не понимая ничего. Сомневаюсь, что даже Хозяин, обладающий кипой бумаг о каждом из нас, знает её хотя бы на двадцать процентов. Говорят, что она единственная, кто появился в цирке не из больницы, хотя выглядит она, мягко говоря, не хорошо, да и в посланиях, о которых я только вспоминала утром говорилось о девушке-рыбе. Бледная кожа, вытянутые – почти кошачьи – зрачки, слишком медленная речь, срывающая на частый кашель и, самое главное, жабры. Про себя я называю её амфибией, но когда Ноа назвал так её вслух она избегала его несколько месяцев. К её сожалению, приходится каждый раз объявлять её именно таким образом, ведь сколько бы вариантов я не перебрала, ни один не дал бы настолько точного и близкого к правде описания. Выполняет она свою работу отлично, не шумит, проблем не доставляет... Так что и мы решили не доставлять лишних проблем ей.

Ложи быстро опустели. Места, которые остались занятыми, можно было пересчитать на пальцах, а занимавшие их

родители, дети которых уже умчались во двор, видели десятый сон. Именно поэтому я без опаски села на начало деревянной дорожки, ведущей прямо в центр шатра. Вечно наблюдать можно за тремя вещами: как горит огонь, как течёт вода и как Таракашки пытаются вместить огромное подобие аквариума на маленький круг манежа. Они чертыхались и ругались в голос совершенно без стеснения, а половина работников уже была насквозь мокрая из-за выливающейся через край воды. Доски скрипнули и рядом со мной плюхнулся Фокусник.

– Разве ты не знаешь, что сидеть в сценическом костюме считается неуважением к зрителям, полным неуважением?

Странно было слышать это от того, кто мало того, что не верит цирковым приметам, там ещё и успешно их нарушает. Чего стоит один только его давний выход с огромным красным зонтом! Хотя, впрочем, несмотря на это, зрителей, как обычно, было невпроворот⁶. Да и примету эту – с костюмами – в нашем цирке отчего-то игнорируют и спокойно разгуливают в нарядах для представлений до выхода на манеж. Я фыркнула, закатывая единственный глаз и стаскивая повязку. Грубая ткань на лице сегодня отчего-то ощущалась как наждачная бумага. Фокусник не проронил не слова, хотя зрелище было и не из приятных: кожа, покрытая рубцами, не оставляла и намёка на то, что когда-то на этом месте бы-

---

⁶ Открыть зонт в цирке – плохая примета, считается, что в таком случае зритель не придёт.

ла вторая глазница. Я не часто снимала повязку, хотя и понимала, что никто меня за этот изъяз не осудит, но всё же нарушать мой хотя бы с виду аристократичный образ не хотелось.

– Так о чём Вы хотели поговорить?

– А! Да, точно, – опомнился Фокусник. – Там передавали, чтобы ты после шоу сменила расписание для следующего выступления на нашей доске.

– И кто же это передал? – недоумеваю я. Обычно работой с расписаниями занимаются подручные Хозяина, которые изредка бегают туда-сюда, разбавляя праздничную атмосферу своими синими, идеально выглаженными рубашками и высокомерными взглядами.

– Это всё стены, всё стены. – пожал плечами он.

Пора начинать вести блокнот с пометками странностей сегодняшнего дня, а после вырывать из него листы и расклеивать их на стенах, соединяя красными нитками, прямо как детективы в клишированных книжках. Других вариантов сложить этот пазл в общую картину, видимо, нет. Я снова натягиваю повязку, вставая. Пора возвращаться к работе, расставление мыслей по полочкам может и подождать.

За кулисами опять суета, но уже по другому поводу. Из тех, кто выступает во второй половине шоу, остались подражатели клоунов да холоднокровные работяги. Теперь-то все готовятся к застолью, а дело это крайне непростое. Да, праздновать с самого утра может показаться не лучшей идеей, но

и мы люди не самые обычные. Всё-таки поздравить Фокусника с удачным дебютом надо – традиция такая – а до вечера ждать никто не хочет. Мне остаётся надеяться, что праздновать не начали уже сейчас.

Пока я вновь разговаривала с Элле на разные, притом не очень информативные и нужные, темы, зрители вновь занимали свои места. Через считанные минуты свет прожекторов потух, вновь собираясь в одну точку по центру манежа, подсвечивая воду в стеклянном кубе. Я слегка прокашлялась, под барабанную дробь выходя к публике.

– А теперь я попрошу вас обеспечить тишину для этого номера, – я шагала вокруг аквариума, при этом тоже начиная говорить тише. – Прямо на ваших глазах следующая артистка будет выбираться из цепей, находясь под водой. Прошу поприветствовать, единственная и неповторимая – девушка-амфибия!

Во время моих слов Нанна шла в окружении нескольких Таракашек, неся в руках стальные цепи. Всё внимание было приковано к её тощей фигуре в красном купальнике, который даже из темноты сверкал множеством пайеток. Уже по давней традиции, которая была в этом цирке и до меня, я, как конферансье, оставалась на манеже вплоть до того момента, пока все цепи не окутают тело Нанны. Мне вручили последний замок, которым я сцепила звенья на её запястьях и подергала за него, показывая, что всё крайне надёжно. И только теперь удаляясь я слышала плеск воды и пару

вскриков из зала. Из-за занавеса я наблюдала, как захлопнулась крышка с ещё одним замком, крепче предыдущих, и как горсть одинаковых серебряных ключиков оседали на дно, перемешиваясь один с другим.

Хоть говорить о секретах своих выступлений было не принято, многие из нас были уверены в том, что никакого секрета у Нанны нет. Она всего лишь смогла применить свои аномальные способности для работы в цирке – вот и вся её тайна. Хотя эти способности, наверное, и были тем самым недоступным остальным секретом. Поэтому переживать за исполнение каждого из её номеров не стоило.

Остальная часть шоу прошла будто бы в тумане. Херд поражал зрителей своей невиданной гибкостью, выполняя элементы на специально для него подвешенных брусках. Луис и Фил развлекали зрителей комичными сценами, главным объектом которых становилась их аномальная разница в росте. Последним, из-за небольшой замены порядка номеров, выступал Ноа. Об этом я его предупредила, и он пообещал, что со всей серьезностью отнесётся к роли артиста, закрывающего шоу. Говорил он убедительно, но теперь, объявляя его выход, рука так и тянулась перекреститься от греха подальше.

Ноа, как и несколько циркачей до него, вышел ещё до окончания моей речи. Он перехватил мою руку, не позволяя уйти с манежа.

– Если наша прекрасная конференсье не против, я бы хо-

тел, чтобы она помогла мне с проведением этого номера!

С лож посыпались аплодисменты, пытающиеся поддержать меня или же убедить помочь наглому артисту. Я замарала свободной рукой, призывая к более шумным авиациям. Ноа оскалился и отпустил мою руку, принимая это в знак согласия. Пока он и дальше разыгрывал всю эту сцену, на манеж успели вывезти деревянный круг, а в руки метателю вложили около десятка ножей, которые он тут же распихал за пояс. Ноа был одним из самых неоднозначных циркачей в глазах публики, ведь никто не мог проверить действительно ли тот слеп. Пустые взгляды и полностью белые глазные яблоки было не так и сложно подделать, так что вся его репутация держалась на доверии зрителей. Пока что доверие тот оправдывал сполна. Тут мнения артистов из труппы разошлись: некоторые считали, что он просто затуманивал чужие разумы и притуплял бдительность харизмой; другие же склонялись к тому, что посетители просто видели, как вне шатра он ощупывает новые декорации, словно слепой котёнок, или постоянно спотыкается, подметая полы своей одеждой, да и лицом заодно. В любом случае, Ноа доверяли, и это было главным.

Пока метатель всё ещё распинался речами перед публикой, я отошла к мишени. Выглядела она плачевно после множества тренировок и выступлений, но то ли сам Ноа не верил нам, то ли привязался к этому куску дерева морально, но новый реквизит отвергал категорично. Артист вновь об-

ратил внимание зрителей на меня, при этом прося их устроить в шатре тишину, ведь ориентироваться он мог только по звукам. Я тяжело сглотнула, понимая, что выхода нет, остаётся только не слишком уж явно показывать своё напряжение и панику. Из-за занавес выглянул Фокусник, глаза которого настолько расширились от удивления, что могли бы с лёгкостью выпасть из своих орбит. Я ухмыльнулась ему, поднимая руки вверх и пытаясь звуками скрежетания ногтей по древесине и стуку каблуков дать Ноа понять моё расположение. Первые ножи пролетели где-то сбоку и из зала вновь послышались приглушенные вздохи. Следом лезвия очутились у моих ног, рук и финальные клинки просвистели прямо у ушей, срезая выбившуюся из причёски прядь волос. При всём этом, метатель успевал ещё и дурачиться, шутливо закрывая глаза пальцами, будто бы без этого мог увидеть мишень. Ноа поднял руки, демонстрируя, что ножи в его запасах закончились. Он подошел ко мне вразвалочку и протянул ладонь в шутливом поклоне, помогая выбраться из плена окруживших меня лезвий. Свою мишень обратно катил он сам, без помощи Таракашек, махая всем подряд, иногда даже пустым лестничным проходам, а аплодисменты продолжались вплоть до того момента, пока блондин не скрылся за кулисами.

Я подняла свою трость с земли, глазами обводя ложи, при этом всё так же не смотря на чёрно-белого мужчину на первом ряду. Мне ни разу не сказали прямым текстом, кем он

являлся, но если догадки мои были верны, то “конкурент” вполне себе мог расшифровать незамысловатый код, который я отстукивала, будто бы призывая к тишине. Три коротких. Три длинных. Три коротких⁷. Из раза в раз это слышали одни лишь стены, что крайне угнетало, но я готова ждать способного читать между строк сколько угодно.

– Цирк уродов “Nota Bene” благодарит каждого из вас за уделённое время. Помните: мы ждём всех вас вновь под этим самым шатром!

---

⁷ Азбука Морзе, код SOS

Акт четвёртый. Вскрытие правды.

Уже вьезшиеся под кожу овации вновь облетают зал, смешиваясь с мелодиями оркестра и осыпаются на меня. Я кланяюсь и ухожу вместе с потухшими прожекторами, чуть ли не забегая за кулисы. Там меня сразу же окружают циркачи, поздравляя с окончанием первого шоу за сегодня и поторапливающие быстрее переместиться в наш городок из вагончиков, чтобы отметить всё ранее упомянутое, да и просто отдохнуть перед тяжёлым днём. Да и дата сегодня какая, представления тринадцатого числа просто не могут закончиться плохо⁸!

Я выпутываюсь из объятий Тёти Лиз, выскальзывая во двор. Окрепший ветер намеривается сорвать с моей головы цилиндр, но я перехватываю свой головной убор на лету, подходя к доске. Только сейчас до меня начинает доходить то, что нового расписания у меня-то и нет вовсе, артисты узнают его как раз таки на этой доске, и я не исключение. Зато рядом с запиской про белого кролика висит клочок пустого тетрадного листа в клеточку, небрежно прицепленный на скотч и намеривающийся сорваться в любую секунду. Я снимаю его и при ближайшем рассмотрении оказывается, что бумажка вовсе не пуста, просто исписана она

---

⁸ Число тринадцать считается счастливым у циркачей.

шрифтом Брайля. Гадать долго не приходится, только один человек в окрестностях может писать исключительно таким образом. Однако, как бы печально не было это признавать, я абсолютный ноль в этой сфере. Внезапно в голову прокрадывается мысль о том, что где-то в моей комнате был дешифратор, подаренный лично самим Ноа, который, как мне казалось, будет крайне бесполезным, учитывая то, что писал метатель всегда при помощи чужих рук, просто на просто диктуя текст.⁸

Зачем-то срываюсь на бег, хотя в спешке нет абсолютно никакой необходимости – до следующего выступления даже больше двух часов, ведь после наших перфомансов Таракашкам придётся убирать не только манеж, но и помещение за кулисами заодно, а в этот раз ещё и гардеробную... Но ноги будто бы сами несут меня на встречу неожиданно возникшим тайнам, словно этот листочек у меня отобрать пытаются. Уже в вагончике я на всякий случай запираю дверь на замок и подлетая к шаткой тумбочке у кровати, которая явно не ожидала такого внимания к себе, поэтому заевший ящик выдвигается с трудом. Среди фотографий, других записок и пары книжек лежит тетрадь, которая служит мне и местом для заметок, и личным дневников в придачу. Встряхнув её пару раз, раскрывая книжонку до хруста корешка, на ковёр плавно спикировал изрядно помятый листок. Весь латинский алфавит шрифтом Брайля и значение каждой из букв рядом были написаны размашистым и угловатым по-

черком – тут постаралась Тира, часто помогающая Ноа, хотя я даже не знаю, из-за чего она оказывает ему подобные услуги личного секретаря.

Простым карандашом заштриховав поверх клеточек всё послание, чтобы все точки были чётко видны, стала сравнивать каждую букву с памяткой. Не знаю, сколько времени прошло, пока я смогла окончательно составить весь (притом не особо длинный) текст письма, но голоса за окном уже начали своё празднование. Передо мной на полу лежала тетрадь с множеством зачёркиваний, но среди них всё же был виден вполне себе складный текст:

“Не смогут уши услышать то, что и не сказано вовсе. Не смогут предатели казаться друзьями, если ими вовсе и не были, даже сквозь ямы улыбок.”

Пару раз перечитав получившееся послание, начинаю напряжённо думать. *Среди нас есть предатели? Доносчики?* В дверь стучат так, будто бы по ней бьют кувалдой. Я успеваю вскочить на кровать, смахивая содержимое ящика под неё. Оказывается, замок всё же решил подвести меня сегодня и напрочь отказался запирать дверь, а я, доверившись ему, не стала дёргать за ручку после прихода сюда. К мне заходит Фокусник, спрашивая, почему я всё ещё не веселюсь со всеми. Я отмахиваюсь, мол, зашла передохнуть и выхожу вслед за ним, надеясь, что сейчас не буду слишком уж явно разглядывать каждого из труппы.

Прямо у выхода из моего вагончика уже сидят некоторые

циркачи. Складные стулья, которые обычно используют рыбаки, были расставлены в виде кривоватого круга, прямо как подушки на общих завтраках. Из больших картонных коробок соорудили подобие стола, а на нём уже были расставлены все предоставленные нам вкусоности от продавцов ярмарки и припасённые спиртные напитки, которыми потешались разве что Элле с Тётей Лиз, да Ноа, который пролил содержимое своего стакана и сейчас растирал алкоголь за ухом⁹. Фокусник упал на свободный стульчик, который не выглядел достаточно надёжным для таких махинаций, и указал взглядом на место рядом с собой. Я опустила более аккуратно, при всём своём уважении к нашей труппе, все вещи из личного пользования выглядели даже старше Елизаветы.

Элле шепнула Ноа о моём приходе, и он тут же, слегка пошатнувшись, поднялся. Выпивать перед выступлением – плохая идея, а делать это, когда ты метатель ножей вообще не стоит ни при каких обстоятельствах. Однако Ноа, видимо, это никак не беспокоит и (судя по прошлому опыту) никогда и не беспокоило. По крайней мере, стоит радоваться хотя бы тому, что при мне он ни разу не промахивался, находясь перед публикой на манеже.

– Графиня, Графиня, Графиня, – начал он, – я рад, что ты всё же лично сменила расписание!

Я протянула “Угу”, подтверждая его слова. Значит, не

---

⁹ Если у циркового спиртное пролилось на стол – в него нужно обмакнуть палец и помазать им за ушами, это делается на удачу.

ошиблась – записка была от Ноа и сделана она была для меня.⁹

– Слышал, что и заказ на торт ты попыталась отменить, значит, новости о нём нас ждать не заставят, поверь! Но здесь мы собрались ради Альберта и премьеры его номера!

Все присутствующие хлопают, сочтя эту речь за некий тост и, кажется, совсем не замечают то, как Ноа выделил имя Фокусника. Перевожу на него взгляд, наблюдая, как он встал, шутливо кланяясь, принимая овации в свою сторону, и улыбается так, что на щеках его проступают ямочки. Быстро пытаюсь по памяти составить в голове текст записки и перенести его на Фокусника. Один из сиамцев трясёт меня за руку, шёпотом спрашивая, всё ли со мной хорошо. Встряхиваю головой, отвечая, что всё в норме, но сама понимаю, что, должно быть, побледнела до обычного состояния Нанны.

Прокашливаюсь, говоря, что мне надо отойти. Достойной отмазки я придумать не смогла, поэтому просто иду, куда глаза глядят. Спиной чувствую, что кто-то за мной наблюдает, но всё же прячусь за Соли, сползая вниз по её стволу. Обдумывать свои догадки не хотелось, но и оставаться на праздновании было невыносимо. Сейчас я вполне понимала Тиру, которая утром сидела в этой же гряде листьев. Они шуршали и хрустели, закрывая собой все остальные звуки, создавая целое убежище для таких заблудших и потерявшихся в своих мыслях душ. Шелест усиливается, когда рядом со мной кто-то присаживается. Элле держит в зубах сигарету, двумя

парами рук поправляя свой костюм и заботясь о его сохранности, в отличие от меня на данный момент.

– Чего приуныла, дорогуша? – она перехватывает пальцами сигарету, дым которой ветер будто бы специально “кидает” мне прямо в лицо.

– А может, лучше не отменять заказ на торт? – морщусь от неприятного запаха табака.

– Ни в коем случае. Мы попытаемся сделать всё, что в наших силах, поверь. Мы же знаем, что со сладостями к нам опять эти грызуны вернутся.

– Крысы?

– Они самые, лапочка.

Элле знает всё, что хотела бы знать и я. Но спросить я её не могу. У стен и правда есть уши, но страшнее становится, когда эти самые уши отделяются от них. Всё же я не могу теперь с подозрением относиться ко всем вокруг, как законченный параноик выяснять, кому верить можно, а кому нет, чтобы в итоге закрыться у себя в комнате, общаясь только с засыхающей фиалкой на окне.

Встаю из-под защиты умирающей листвы и говорю Элле, что пора идти готовиться к следующему выступлению, пока не нахлынули зрители. Негоже, если циркачей увидят не репетирующими, а пьянствующими. Она как-то вяло согласилась, хотя по её виду нельзя было сказать, что она всерьёз отнеслась к моим словам. Элле поднялась следом, вытаскивая из моих волос жёлтый листочек, который тут же подхва-

тило ветром. Беседу я продолжать не решилась, как и заканчивать её должным образом, поэтому просто ушла в сторону шатра, попросив передать остальным, чтобы они следили за временем.

Шатёр встретил меня чрезмерной тишиной. Вокруг валялись забытые Таракашками вещи, какие-то тряпки и непонятно откуда взявшаяся мишура. Выглянув из-за кулис я заметила одинокую фигуру, подметающую манеж. В потёмках внутри свет лился только из гримёрки, гирлянды которой горели до того момента, пока в них не садились батарейки. Я уселась прямо на пол, смотря на мерцающие огоньки под потолком. Тут же в гримёрку ввалился запыхавшейся Фокусник, который всеми силами пытался отдышаться и говорил до невозможного рвано и непонятно.

– Графиня, куда ты подевалась, а, куда?

– Вы могли продолжать без меня, я крайне устала, понимаете.

– Да мы уже расходимся! Просто хотим сделать общую фотографию, так, на память.

Хоть я и не из суеверных, но цирк явно плохо на меня повлиял, ведь на моём лице, кажется, отразилось всё недоумение и даже некий упрёк за равнодушное отношение к грядущему шоу¹⁰. Я всё же согласилась и поднялась со своего места, по просьбе Фокусника хватая фотоаппарат с полки. Наверное, это устройство было главной гордостью нашей труппы.

---

¹⁰ Фотографироваться перед работой считается плохой приметой в цирке.

пы – неясно, откуда такая дорогая вещь возникла здесь, но использовали мы его крайне редко из-за нехватки специальной бумаги, необходимой для его работы.

У заднего входа в шатёр уже собралась вся наша компания. Эта была не самая удачная локация для съемки, но о живописных видах в целом тут можно было забыть. Вновь возникшая из ниоткуда Тея суетилась, расставляя всех с видом опытного фотографа и звеня своими колокольчиками. Завидев нас с Фокусником, она оживилась ещё сильнее, хватая меня под руку, а его за ворот жилетки и ставя перед всеми остальными. Я передала ей в руки фотоаппарат, и она отбежала, пытаясь уместить нас всех в его объектив. Обе руки я сложила на трость и склонила голову сторону, натягивая привычную ухмылку. Тея воскликнула “Скажите сы-ы-ыр!”, после чего нас ослепило вспышкой. Выехавший снимок она начала трясти с такой силой, что весь двор залил звон, будто бы кто-то стучал палкой по церковному колоколу. Выуженным из потайных карманов костюма маркером она быстро черкнула что-то на обратной стороне фотографии, после чего передала её мне вместе с фотоаппаратом. Меня тут же окружили все желающие посмотреть на результат этой небольшой съемки. Дав время остальным удостовериться, что никто не моргнул и ничего не испортил, я перевернула снимок, читая выведенную там надпись: “Графская семья”. Я хохотнула, пряча фотографию в карман и вновь возвращаясь в гримёрку.

Пока я возвращала фотоаппарат на его законное место, ко мне опять зашёл Фокусник. В этот раз он не остался, а просто кинул на стол белый конверт и удалился со словами о том, что обычных мышей часто путают с крысами. По спине пробежал холодок от осознания того, насколько сильно я заблуждалась в неосведомлённости Фокусника о происходящем.

С мыслями о надобности завести отдельную папку для писем сомнительного характера, я распечатала конверт, доставая из него слегка небрежно, но при этом очень старательно сложенный листок. На нём не особо аккуратным почерком была написана очередная загадка, которую, увы, мне понять не удалось.

*“Взорвётся Солнце на манеже,
Луну казнят на гильотине.
И словно разом все забудут,
Что пели песнь здесь о Графине.
Ф.”*

С левой стороны также красовалась длинная линия, скручивающаяся в несколько колец и не позволяющая понять, что за ней зашифровано. В этой завитушке я узнала подпись Фокусник, которую он, на моей памяти, в первый и последний раз использовал только в кабинете Хозяина в наше первое прибытие сюда. Я ещё раз пробежалась глазами по тексту, чтобы удостовериться, что я не пропустила ничего из написанного. После просмотрела бумагу на свету, посмотре-

ла письмо с двух сторон и слегка подогрела его на свече, которую вместе со спичками удалось найти на стеллаже. Никакой магии и иллюзий не было – обычная бумага, обычные чернила. Значит, всё должно было быть сказано текстом. В отличие от других, с Фокусником я могла говорить открыто, не таясь, но после сегодняшних новостей уверенность в этом пропала. Всё-таки до следующего шоу времени оставалась не так много, чтобы пытаться разузнать, что могло скрываться за этим письмом. Может, оно и вовсе было всего лишь подарком в виде его лично написанного стихотворения без каких-либо задних мыслей.

К моему удивлению, вне гримёрки была так же тихо, как в ней. Крайне странным это казалось потому, что, когда время близилось к открытию очередного шоу, все были словно на иголках: носились туда-сюда, разминались, болтали, нервно посмеиваясь. Сейчас же даже в гардеробной не было никого, только пара Таракашек всё ещё носились, готовясь к очередному выступлению или просто имитируя видимость работы.

На ярмарке или около аттракционов тоже было крайне пусто. Всё же мне удалось найти несколько артистов недалеко от вагончиков: всё тот же Ноа, который, казалось, с начала дня стремительно тратил свой запал позитивной энергии и глупых шуток, и Тира. Фаерщица не пыталась отравить метателя язвительными фразами или прожечь глазами, а тот в свою очередь просто молчал. По пути я заметила ещё и Элле, сидящую на своей излюбленной ветке Соли, но вид у неё

был до того печальный, что не хватало только лишь тучки с дождём над головой. Из-за этого я решила не донимать её расспросами, но и здесь мне, по всей видимости, тоже были не рады. Однако все остальные попрятались по своим комнатам, так что другого варианта не было, ведь время подгоняло делать поспешные и, возможно, в какой-то степени, необдуманные выборы.

Ноа услышал мои шаги ещё издалека. Он махнул рукой, подзывая присесть к ним. Так как импровизированное застолье уже свернули, сидеть пришлось на успевшей промёрзнуть земле, но сейчас это не имело особого значения. Важным было другое: Ноа не мог подобрать слова. Вот это как раз выходило за рамки реальности и даже фантастики, ведь обычно его наоборот невозможно было унять.

– Что там с тортом и крысами? – я всеми силами пыталась влиться в эту замысловатую игру метафор, надеясь, что хоть немного преуспела в ней. По крайней мере, по этого момента меня успешно понимали и отвечали тем же.

– Мы перепутали мышь с крысой, хотя она и говорила нам об этом, – чуть медля ответил Ноа.

– Прости... – Тиру хватило только на это.

Их меня вырвался смешок, но никто не улыбался. Тира не извиняется без причины. Я тоже немного помедлила, всё же вставая и направляясь к вагончику, в котором живёт Фокусник. Тира схватила меня за край брюк, но тут же отпустила, отворачиваясь. Я смотрела на её растрёпанные волосы

с короной из жёлто-оранжевых листов и боялась двинуться дальше, но на это пришлось решиться.

Жилище Фокусника находилось прямо за моим: оно пестрило знаками о запрете приближаться ближе из-за возможности получить электрический удар. Секрет о том, откуда он берёт эти наклейки, которыми обычно пестрят электрошкафы в городах, был настолько же хорошо скрыт, как и секреты его фокусов. Теперь же вагончик был настолько белым, что даже резал глаза больше кислотно-жёлтых знаков. Я подбежала к двери, дергая за ручку. Она оказалась не заперта, и я ввалилась внутрь, оглядываясь. Не было ни намёка на то, здесь кто-то проживал. Пустые полки, идеально заправленная кровать и вычищенная меловая доска, которую Фокусник выпрашивал через письма прямиком у Хозяина, что было крайне рискованно. Всё было готово к тому, что это место займёт другой человек, даже и не зная, как комната выглядела до него. Да уж, подручные Хозяина в совокупности с Таракашками постарались на славу, а я-то решила просто передохнуть полчаса.

Я просто стояла на пороге, переводя взгляд от одной вещи к другой и держа снятый цилиндр у груди. Я жалела только о том, что даже на минуту позволила себе подумать о возможности Фокусника быть одним из Таракашек. Дополнением к ушам стен. На прикроватной тумбочке сверкал блистер непонятных таблеток. Я пересекла комнату, пачкая светлый ковёр уличными ботинками, и сгребла серебристую упаковку.

ку в карман. Кажется, я думала лишь о том, что меня должны были забрать вместо Фокусника. Чёртового торта не хватало только для меня!

Я всё не решалась уходить, отдавая молчаливую честь моему внезапно объявившемуся спасителю, если его можно было таковым назвать. У дверей на улице меня уже ждала Тётя Лиз. Увидев меня, она поджала губы, заглядывая мне в глаз и пытаясь прочитать в нём хоть что-то. Я отмахнулась, как бы приказывая ей говорить быстрее. Мол, дел невпроворот.

– Графинушка, всё не лежит на поверхности, – я хотела возразить, но ясновидящая не дала мне перебить её. – Нам всё равно не удалось выбросить торт.

Я зависла на секунду, сжимая в руке трость. У меня в голове появился был вопрос о том, ради чего вместо меня к той самой гильотине из стихотворения добровольно пошёл Фокусник, но отчего-то не смогла озвучит свои мысли. Значит ли это, что Луной оказался он?

– Елизавета, Вы случайно не занимались гаданием для Альберта? – её передёрнуло от звучания имени Фокусника из моих уст.

– Он попросил сложить для него песнь, – уклончиво ответила Тётя Лиз и этого вполне хватило.

– Вот только, – всё же продолжила ясновидящая, – не учёл он того, что когда Солнце заменяет Луну, днём всё равно должен кто-то светить.

Я поблагодарила её, уходя в смешанных чувствах. Горечь

утраты и осознание того, что чужое самопожертвование было напрасным, смешались с рациональным спокойствием, таким нужным для грядущего выступления. Все окончательно попрытались, будто бы боялись, что грядёт нечто ужасное. Понять их можно было, хоть мне это и давалось с трудом: вели себя мы тут как маленькие черти или демоны. Не в том смысле, что портили настроение другим, вытворяли ужасные вещи или приносили в жертвы посетителей. Демоны ведь не лгут, они недоговаривают. И как же это глупо, что все вдруг решили, что в наши слухи просочилась ложь!

Дохожу до шатра вновь, так и не встретив никого из трупы на своём пути, но и специально искать и подлавливать других я не собиралась. Таракашки стали как-то сторониться меня; это я заметила, как только пересекла своеобразные двери из разрезанной ткани. Тенью проскользнув вновь в гримёрку мне вдруг на секунду померещилось, что тут сидит Фокусник. В своей излюбленной позе – на полу, откинув голову на гору одежды и закинув ноги на стол. Но эта иллюзия быстро спала, стоило мне моргнуть пару раз. Я опустилась на стул, бросая цилиндр куда-то на стеллаж, а трость кидая к себе под ноги. Зажжённая свеча, при помощи которой я пыталась обнаружить следы невидимых чернил в виде лимонного сока, всё ещё горела на столе, заливая его воском. Я протянула руку к снимку, который был сделан от силы всего лишь час назад. Покрутив фотокарточку в руках, я с ужасом заметила, что фигура Фокусника будто бы стала тусклее и

вот-вот собиралась вовсе исчезнуть. Тут же нащупав спрятанное в щели за столом письмо, проверяю написанное на нём. Конечно, кривые ряды букв, выведенные тёмно-синими чернилами, никуда не исчезли.

Списав все эти странности на усталость, я приняла решение вздремнуть прямо здесь, ведь сделать этого с самого утра мне так и не дали. Передо мной стояла пластиковая бутылка, но жидкость в ней казалась мутнее, чем обычная вода. Даже не проверив запах содержимого, тяну к себе странный напиток, а из кармана выуживаю блистер таблеток, неизменно присутствующих в комнатах, в которые должны в скором времени быть заселены новые артисты. Выдавливаю в ладонь штук пять бело-синих капсул, тут же забрасываю их в рот и, морщась, запиваю чьей-то настойкой, неосмотрительно оставленной здесь.

Успеваю приклеить на стену у зеркала совместную фотографию найденным на полу скотчем перед тем, как мир вокруг начинает заметно тускнеть. Я не сопротивляюсь внезапно нахлынувшей сонливости и скрещиваю руки на столе, кладя поверх них голову. Издалека доносится музыка, и кажется она до боли знакомой, будто бы я слушала её тысячи раз. Зажмуриваюсь ещё сильнее, когда музыка нарастает, до боли ударяя по барабанным перепонкам каждой своей нотой и аккордом. Даже сквозь веки вижу расплывающуюся красную одежду и прозрачные руки, которые тянутся ко мне, приглашая в объятия.

Акт пятый. Воссоединение.

Музыка всё не прекращается, пока барабанщик вдруг не решает молотом ударить по своему инструменту. Тут же подсакиваю, распахивая глаза. По ним ударяет волной света, возвращая меня из того кристально белого места, чем бы оно ни было. Перевожу взгляд на расплывающуюся и мигающую разными цветами фигуру, которая постоянно двоится и то отдаляется, то вновь приближается. Пару раз моргаю, пытаюсь вернуть себе способность более или менее ясно смотреть на вещи вокруг, не позволяя им расплываться яркими кругами. Фигура в дверях что-то говорит, но понимать я её начинаю только когда музыка вновь переходит на слегка приглушённые тона, не режущие уши словно сотня ножей.

– Проснись и пой! Тётя Лиз нас уже извела своими рассказами о её молодости, только тебя и ждём.

Рик и Рей застывают в проходе, ожидая моего ответа. В улыбках скользит что-то неискреннее, им тоже сообщили о судьбе Фокусник. Видимо, об это знают уже все артисты.

Нельзя сказать, что это плохо или ужасно, рано или поздно правда всё равно вскрылась бы. Я всё же отвечаю шутя, не желая задевать юных циркачей своим настроением или кислым лицом.

– Ох, примите мои извинения, ребятаки.

Я встаю, поднимая откинутые ранее цилиндр с тростью

и поворачиваюсь к зеркалу. Дневной сон немного потрепал мой внешний вид, который уже не выглядит настолько аристократичным, каким бы я хотела его преподнести, но во мне, по правде сказать, и голубой крови-то немного. Вздрагиваю, когда сзади себя замечаю тень, что движется будто бы отдельно от меня, но стараюсь не подавать вида. Разберусь со всеми странностями вечером, если он, конечно, сможет наступить для меня, а в этом я сомневаюсь всё больше и больше. Наспех поправляю помаду на губах и испорченную причёску, вновь обращаясь к сиамам.

– Не графское это дело спать вне своих хором, вы как всегда правы. Поспешим же!

Пытаюсь как можно быстрее захлопнуть за собой дверь, но необычно тёмная тень всё равно успевает проскользнуть за мной, поэтому я решаю больше не обращать на неё внимание. Насколько это вообще возможно... Близнецы умело огибают все препятствия в виде разбросанного реквизита и Таракашек перед собой, при этом не замедляя шага. Вприпрыжку они спешат на манеж ко всем остальным. Передо мной всё идёт кругом, поэтому я не спешу за ними, стараюсь сохранить спину ровной, а походку прямой и уверенной, хоть это и требует невероятных усилий и помощь трости, которая раньше служила лишь аксессуаром. Не ожидала даже, что она когда-то мне пригодится настолько сильно.

Некоторые всё же покинули свои укрытия. Тётя Лиз теребила в руках карты, которые, мне казалось, она уже давно не

использует в своих выступлениях. Рядом с ней сидел Херд, пытаясь принять удобную для себя позу, скручивая невероятно гибкие ноги то так, то сяк, но поза его всё равно выдавала волнение и дискомфорт. Половину манежа занял Луис, который растянулся на нём, закрывая лицо отросшими волосами, а у него сидел Фил, раскачиваясь и напевая что-то. Всеми силами пытаюсь подбодрить товарища, хотя выходило это их рук вон плохо. И я чуть ли не упала прямо на середине пути, заметив последнего присутствующего. Фокусник стоял ко мне спиной, покачиваясь на пятках и сверкая своим обычным костюмом. Но как только он продолжил свой замкнутый путь по кругу и развернулся ко мне, то мне с трудом удалось сдержать истеричный смех.

Из под тёмных волос парика выбилось пара светлых прядей, а линзы в глазах выглядели до невозможного комично и даже в какой-то степени жалко. Ноа нервно расхаживал, бубня под нос что-то про неудобное расположение спрятанных под одеждой рук. Он услышал мои шаги и поднял голову. Смотрел он мимо моего лица, но пытался убедить окружающих в том, что действительно прозрел, по всей видимости.

– Доброго дня, Фокусник! – Ноа остановился до конца, наконец-то поворачивая голову в правильном направлении и улыбнулся как-то виновато. – Разве Вы не должны были услужить мне, объявив начало репетиции?

– Графиня, брось, – он попытался закатить глаза и жёлтые линзы слегка съехали, однако возвращаясь на своё место се-

кундой позже, – это же наша традиция! Никак нельзя её нарушать, так что начало репетиции объявлять должна ты.

– Голубки, не ссорьтесь, – рассмеялась Елизавета, тоже смотря на меня с долей вины. Я искренне не понимала, зачем они это всё устроили, но ответы хотелось получить как можно скорее.

– Тётя Лиз! – возмутился Ноа, подражать под речь Фокусника у него никак не выходило, но он даже и не старался сделать этого. Так ради чего здесь устроили внезапный маскарад?

– Елизавета, какие же это из нас голубки? Разве что слегка порубленные, – я отвернулась от Ноа, пытаюсь донести до всех, что хочу быстрее довести этот разговор до конца, чтобы задать интересующие меня вопросы.

– Воркуйте-воркуйте, дорогие, – Тётя Лиз с трудом поднялась, она явно не была трезва как стёклышко, – а мне надо косточки размять, гадание дело не простое, ох не простое.

– Да, мисс Г, – Херд вскочил, собираясь наконец-то уходить, но затормозил, явно что-то вспомнив. – Отрепетируем по-быстрому, да свалим на ярмарку. Слышал, сегодня Джефф готовит сахарную вату пораньше, надо успеть и нам отхватить кусочек.

– Раз дело уж и до лакомств доходит...

Я положила на пол трость и, подумав, сняла и цилиндр. Волосы, которые я успела распустить ещё до сна всё не давали мне покоя. Хоть я и пыталась вернуть им опрятный

вид после пробуждения, они так и норовили закрыть единственный оставшийся целым орган, обеспечивающий мне зрение. Закрепив из выуженной из нагрудного кармана лентой, я снова накинула на голову свою шляпу и взяла в руки трость. Силы стремительно покидали меня, поэтому пришлось опять опереться на эту палку, как утопающий хватался бы за соломинку.

– Дамы и господа, леди и джентльмены, – сразу после моих слов стихла музыка и замekli все присутствующие, создавая ощущения настоящего представления, – рады приветствовать вас в нашем цирке! Готовьтесь удивляться и восхищаться, ужасаться и сотрясаться. Мы готовы стараться для вас и ради вас. Да будет шоу!

Я развела руками, о чём мгновенно пожалела, оказавшись без своей опоры. Всё же, уже заученным движением, подкидываю трость и ловлю её, поклоняясь пустым ломам. Аплодисменты музыкантов и скудного состава труппы всё же разлетаются с таким грохотом, что перед глазами невольно возникает переполненный зрителями шатёр. Я ухмыляюсь пуще прежнего, направляясь к выходу во двор, по пути замедлив шаг перед Ноа.

– Какого чёрта? – только и успеваю шепнуть я.

– Я всего-то должен сверкнуть лицом перед зрителями до шоу, Альберт значитя во всех брошюрах. Потом извинишься, мол, фокусника разрезали в его собственном ящике, короче, придумаешь что-то, – протараторил он в ответ так ти-

хо, что я с трудом разобрала и половину из сказанного.

Я цокнула языком, перешагивая через Луиса, и с ехидством вспомнила старую примету, рассказанную нам когда-то Тётей Лиз. В любом случае, расти ему уже некуда. Я выхожу во двор и ветер вновь играет со мной плохую шутку, кидая пожухлые листья прямо в лицо, из-за чего я не замечаю идущего ко мне дирижёра и просто инстинктивно останавливаю его. Он явно витал в своих мыслях, поскольку моя выставленная в сторону рука заставила его покачнуться, восстанавливая равновесие, из-за резкого торможения.

– Майкл, – просто идти дальше было бы как-то неловко, да и не принято не здороваться с коллегами¹¹, – подскажите мне, где Вы постоянно пропадаете?

– Ах, Графиня! – он выплюнул изо рта дирижёрскую палочку, продолжая оправдываться уже более разборчиво. Он явно не был готов к тому, что его внезапно начнут отчитывать, да и я к этому, если честно, тоже готова не была. – Дел невпроворот, то кто-то из музыкантов приболеет, то ноты не успеют все получить...

– Вас можно понять, – мне не хотелось продолжать слушать на ходу придуманные причины опозданий, потому что о них я до этого момента и не заботилась. Музыка играет – и то славно. – Поспешите, до начала всего полчаса.

– Так точно! – я краем глаза заметила, как, зайдя мне за

---

¹¹ Когда не идёт представление, цирковым необходимо здороваться друг с другом, даже если они не знакомы.

спину, он облегчённо выдохнул, переставая вытягивать спину как по струнке.

Я хмыкнула, продолжая путь в неясном даже мне самой направлении. Тропинка от главного входа шатра разветвлялась, и я выбрала ту её часть, которая ведёт через прилавки торговцев. Таракашки бегали и тут, вяло махая мне, и я отвечала им тем же. Некоторые продавцы, которые не первый день находятся здесь, тоже приветствовали меня. За ними повторяли и совсем новые для меня лица, хотя делали это скорее для привлечения потенциального покупателя, но я всё равно отвечала им учтивыми кивками головы. Зрители уже заполняли территорию цирка, и я ловила некоторые взгляды на себе. Понять их можно, в своём наряде я выделялась из толпы, так ещё и лицо моё сверкало на редких афишах. Конечно, в длиннющий список суеверий циркачей входит и примета о том, что ни в коем случае нельзя появляться перед публикой до выступления в своём костюме. Однако, как я раньше подмечала, и при том не один раз, смотря на других артистов нашей труппы, я тоже входила в число тех, кому времени совершенно не хватает на вечные смены одежды.

В конце этого ряда радужного месива из всевозможных товаров, как обычно, находилась излюбленная циркачами лавка. Продавец, который владел ей, работал непосредственно на Хозяина, хотя мне никак не удаётся провести между ними связь или представить ситуацию, при которой они бы

могли совершить подобный договор. С постоянными “соревнованиями” за возможность торговать здесь во время дней выступлений уж никак не могли оставить место для тревоги о том, что когда-то все прилавки вдруг опустеют. В любом случае, нам ведь было только лучше – через поставки Джефа мы могли попросить заказать что-нибудь лично для нашей труппы, поэтому отношения с торговцев были исключительно хорошие.

– Доброго дня, Джеф, – я склонила голову, пытаюсь рассмотреть, что находилось в коробках, которые продавец разгружал. – Ещё не распродали всё?

– Графиня, какая честь! – он тут же обратил на меня своё внимание. – Нет, ещё чего! Ваша компания ещё первое выступление не отыграла, ярмарка оживает к вечеру.

– Вы как всегда правы, – я вспомнила слова Херда о сладостях. Надо же как-то подбодрить остальных... – Не могли бы Вы оставить актёрам немного сахарной ваты?

– Никаких проблем! – рассмеялся Джеф. – Эти ребятки за любимые лакомства порвать готовы, уж я-то знаю! Ступай, готовься к открытию.

Я не стала поправлять продавца, говоря, что первое выступление мы вообще-то отыграли и даже успели лишиться одного артиста. Я только кивнула, напоследок улыбаясь, и пошла дальше. Больше делать в центре событий мне было нечего, так что я решила вернуться в свою комнату, чтобы сопоставить все полученные записки. Возможно, хоть

так картина начнёт складываться. Вместе со зрителями мимо меня пронеслась Элле, “крылья” которой развивались на ветру. Она проскользнула мимо, пробежавшись кончиками пальцев по моему плечу и бросив “Он ждёт.”

Гадать кто “Он” не пришлось. Я тяжело сглотнула, продолжая свой путь к вагончикам, но уж с той мыслью, что ещё хотя бы пары минут отдыха мне не видать. Но её затмевало внезапное осознание: раз Хозяин вызывает меня к себе, значит, послание моё дошло да чёрно-белого мужчины, и он даже решил разобраться с таким явным намёком. Остаётся надеется, что совесть инспектора не позволила его принять крупную сумму денег за такое драгоценное молчание. На свежем воздухе мысли начали проясняться, а голова кружилась не так сильно, поэтому я уверенно ускорила шаг, чтобы при непредвиденных обстоятельствах не опоздать на начало второго шоу.

Хозяин как обычно был у себя в так называемом офисе. Я ни разу не видела, чтобы он выходил оттуда в течении рабочего дня, но он всё же умудрился следить за нами всеми вместе взятыми и за каждым артистом по отдельности. Дом на колёсах стоял прямо у линии леса, выбиваясь грязно-серым пятном из окружения, и будто бы был готов в любой момент совершить побег вместе со своим обладателем внутри. Я застыла у проржавевшей двери, не имея никакого желания прикоснуться к ней, будто бы таким образом могла подхватить неизвестный вирус. Вдруг окружающие меня вещи сно-

ва пошли кругом, отчего пришлось чуть не до хруста сжать трость, лишь бы не упасть в грязь в лицо, причём даже не в переносном смысле. Смесь, которая чуть не привела меня ранее прямо в фантомные руки Фокусника, просилась обратно.

Я вздохнула, всё же стуча в дверь, которая открылась настолько быстро, что я еле успела отступить, прежде чем она сбила бы меня с ног. В голову лезли образы того, как Хозяин стоит перед дверью, грызя ногти и ожидая моего прихода. Желание рассмеяться удалось подавить с невероятным усилием.

– Явилась-таки, Грейс.

Из-за чересчур громкого голоса, отдавшегося болью в висках, меня передёрнуло даже больше, чем от упоминания моего имени, использование которого все так избегают. Хозяин смотрел на меня сверху вниз, держа в зубах сигарету. Ждал ли он от меня извинений? В любом случае, даже если бы я открыла рот, то скорее всего выдала бы что-то язвительное, на уровне Тиры, не меньше.

– Доброго утра, – ничего лучше я не придумала. Хотелось понаблюдать за чужой реакцией, чтобы сделать выводы о встрече с инспектором.

– Смотри в глаза, когда говоришь со старшими, – он вцепился пальцами в мой подбородок, заставляя смотреть прямо в его до ужаса красные глаза.

Хозяин достал изо рта сигарету, выдыхая облако дыма

мне в лицо намеренно, в отличие от Элле.

– Угадаешь, в чём провинилась *на этот раз*?

– Понятия не имею о чём вы, – разглядывать сеть лопнувших сосудов желания не было, поэтому я скосила глаза обратно на ботинки, о чём сразу же пожалела. По щеке разлилась обжигающая боль из-за затушенного об моё лицо окурка.

Хозяин бросил сигарету на землю и предупреждающе сжал моё горло. Он явно заметил некое ехидство и насмешку в моих глазах или в невольно растягивающейся ухмылке.

– За придурка меня держишь, девчонка?! Ещё хоть раз увижу, как ты своей палкой будешь Морзянку отстукивать, лишишься второго глаза. Я понятно выразился?

– Вполне...

– Ещё раз, – рука сжимается сильнее, – *тебе всё понятно?*

– Всё ясно.

Пальцы пропадают с моей шеи, позволяя наконец-то нормально вздохнуть, прежде чем звёздочки забегали бы у меня перед глазами. Я нащупываю пальцами свежий ожог, который всё ещё отдавался пульсацией, и прикрываю его тканью повязки, чтобы не заставлял остальных волноваться. Подобные встречи ничем другим и не заканчиваются. Самое главное, что моё послание дошло до получателя. А по напряжённому виду Хозяина можно было сказать, что в этот раз договориться у него не вышло. От этого осознания меня наполняет невероятная лёгкость, но вместо смеха из горла вы-

рывается хрипловатый кашель. Я отряхиваю остатки пепла, упавшего на костюм, и разворачиваюсь, быстрым шагом удаляясь в сторону шатра. Улыбка так и остаётся на моих губах даже против моей воли, но это уже не столь важно.

По пути я мельком смотрю на стенды для афиш и плакатов, пытаюсь заметить пропажи, но так и не нахожу пустых мест. Никто не удосужился снять объявления о грядущих шоу, на которых значился Фокусник. Ни один циркач не хочет признавать его уход. В любом случае, остаётся надеяться, что Ноа сможет хоть как-то убедить зрителей в том, что Фокусник здесь есть, а дальше что-то да придумается. Стараясь больше не мелькать перед посетителями, проскальзываю через задний вход, подходя к уже собравшимся артистам.

Наконец-то хоть что-то идёт, как положено, и циркачи проводят минуты до начала выступлений за разминками и разговорами, как это обычно и бывало. Ноа сидит на грудях ящиков, которые со всех сторон были обклеены предупреждениями о хрупком содержимом и ни капли не заботится об этом, хоть, я уверена, кто-то да сказал ему об этих наклейках. Метатель был в своём обычном полосатом костюме, сняв с себя одежду Фокусника, что меня крайне радовало. Следовало обсудить с ним оправдание перед зрителями за столь неожиданное исчезновение одного из самых популярных артистов здесь, но для начала я искала глазами Элле. Чьи-то пальца огладили моё плечо, и я повернулась, находя её за своей спиной.

– Кого-то потеряла, лапочка? – Элле говорила ещё тише обычного, так что её голос практически терялся в музыке оркестра.

– Вас-то я и ищу. Не подскажите, как обстоят дела с тортом? Насколько я успела убедиться, до конкурента я вполне смогла достучаться.

Элле поджимает губы, не говоря больше ни слова, хлопает меня пару раз по плечу и удаляется к гардеробной. Я смотрю ей вслед, не решаясь следовать за артисткой, так как на приглашение это не было похоже. Кто-то из Таракашек истошно кричит, что до начала осталось всего пять минут. Я спешу к гримёрке, по пути чуть ли не сбивая с ног Нанну, ещё не успевшую снять своё длинное белое платье из-за чего казалась ещё более незаметной, сливаясь с тканью, покрывавшей груды коробок.

В трещине за столом я нахожу таблетки и письмо, которые в спешке скинула туда после пробуждения. Пластиковой бутылки с алкогольным напитком не оказывается нигде, поэтому среди завалов из одежды я нахожу фляжку Фокусника. Пережёвываю пару таблеток и запиваю их каким-то сильно пахнущим спиртом. Хочется выплюнуть этот коктейль, но я упорно проглатываю его, игнорируя наворачнувшиеся слёзы от тошнотворного привкуса. Перед глазами опять начинает плыть, но я не позволяю себе провалиться в сон, с горем пополам поднимаюсь, полагаясь полностью на свою трость.

Не очень уверенным шагом выхожу из комнатки, слыша

чужие пожелания удачи словно через слой воды. Как только темнота накрывает всех, выхожу из-за кулис, медленно ступая прямо на единственный островок света, выделенный прожектором по середине манежа. Музыка стихла, а я водила по ложам глазами, пытаюсь найти того чёрно-белого угрюмого мужчину, который вполне себе мог остаться и на второе утреннее шоу, но, как назло, все лица смешивались друг с другом, не позволяя рассмотреть их.

– Дамы и господа, леди и джентльмены... – я начала свою речь, тут же обрываясь.

В левом проходе с лестницы сбегал мужчина в разноцветной рубашке, на которого ругались и шикали со всех соседних сидений. В руке его что-то блеснуло и не успела я возобновить свою приветственную речь, как ноги подкосились и я безвольно упала на манеж, протягивая трясущуюся руку к сочащейся кровью ране в районе сердца. Крики эхом отдавались в ушах, вспыхнули прожектора. С усилием раскрыв слипающиеся веки я снова увидела того мужчину в цветастой рубашке. Из его рук выпал пистолет, приземляясь как-то слишком медленно. Медленнее, чем ему было положено. Кто-то пытался поднять меня, тащил за руки и звал на помощь. Боковым зрением я успела заметить коричневые точки, являющиеся убегающими со своих рабочих мест Таракашками. Я медленно проваливалась в сон, принимая протянутую полупрозрачную призрачную руку Фокусника, всё ещё ожидающего меня в своём кроваво-красном костюме.

Акт шестой. На свои места.

Говард распахнул глаза и схватился за сердце, часто и прерывисто дыша. Чужие воспоминания будто бы всё ещё вспыхивали перед глазами картинками-кадрами старого фильма. Хоуп снова находился в тёмной гримёрке с горящей на столе свечей, огонёк которой всё ещё плясал, не собираясь потухать. Никаких артистов, тараканов и сумасшедших владельцев цирка... Полицейский достал из заднего кармана смартфон, но тот отказывался включаться, так что он остался в неведении насчёт того, сколько времени он провёл в этой камере. Несмотря на это, Говард облегчённо вздохнул, нащупав рядом с собой на полу пистолет, тут же крепко сжимая его в руке, будто бы оружие вновь могло пропасть.

“Это сон, просто дурной сон...” Мало ли, что могло произойти, пока мужчина валялся тут в отключке, но самое главное для него бы то, что всё это произошло не наяву. Странные загадки, заговоры и преступления оказались лишь игрой воображения из-за чрезмерного стресса и напряжения или недостатка кислорода в этой коробке, стены которой будто бы давили со всех сторон.

– Вы готовы ответить на мой вопрос?

Говард тут же подскочил, взвизгивая и чуть ли не роняя пистолет, который был так нужен ему, правда, больше для уверенности. Бледная девушка сидела на стуле, закинув одну

ногу на вторую и подперев голову рукой. Одетая она была уже более знакомо: чёрно-красная одежда, повязка на глазу и... дыра в груди.

– Т-ты! – вновь начал заикаться полицейский.

– Прощу, подумайте хорошо.

– Говори ты уже свой вопрос! – не выдержал Говард, срываясь на истеричные нотки.

Девушка усмехнулась.

– Вы сможете уйти, если скажете, кто же первый захотел моей смерти.

Мужчина замер, то открывая рот, то закрывая его, словно рыба, выброшенная на сушу. В вопросе точно должен быть некий подвох. Вот только... какой? Полицейский отвёл взгляд в сторону, прибывая не в силах смотреть на ожившего мертвеца или заблудшего призрака – без разницы, это уже ненужные детали, в которые вникать он не хотел. Графиню убили на манеже. Покушение совершил некто из зрителей. Говард напряжённо вспоминал события того самого дня, который будто бы прожил лично, от чего мужчину бросало в холодный пот, настолько реальными казались те события. Имена циркачей скакали в памяти, однако вспомнить их удавалось лишь с невероятными усилиями. Прямо в своей голове Говард приклеивал фотографии подозреваемых на доску, соединяя их между собой всевозможными связями, но ни одно из предположений не казалось достаточно аргументированным.

Человек, выстреливший в Графиню, вряд ли был кем-то из зрителей. На входе их всех встречала та миловидная дама, которая, видимо, осматривала посетителей на предмет опасных предметов, заодно и билеты проверяла. Работники носили тёмную одежду, дабы не сильно выделяться и не мешаться перед глазами, а ведь на стрелявшем была яркая рубашка. Рубашка в белую и ярко-оранжевую полоску. Рубашка, какую носил лишь один человек, ведь никто из зрячих не надел бы такую вещь на важное выступление. Говард вновь открыл рот и вновь захлопнул его. Слишком просто. “Прощу, подумайте хорошо”. Полицейский был готов рвать на себе и без того редкие волосы. “Да думаю я, думаю!” Мужчина начинал жалеть о своём визите сюда всё сильнее и сильнее с каждой минутой.

Ноа – именно так звали того белобрысого незрячего мальчишку – со своим опытом метателя всегда попадал в цель, и об этом знали все, кто хоть раз слышал об артисте. Говард напрягся, пытаясь вспомнить самые последние пролетевшие кадры событий, которые он видел чужими глазами перед тем, как вернуться вновь в своё тело. Стрелявший явно был растерян, а после содеянного и вовсе выронил из рук оружие, так никуда и не убегая, а просто застывая статуей прямо там, среди паникующих потоков людей. Значит ли это, что убийство было совершенно не по воле Ноа? Кто же тогда мог использовать его в своих целях. Это должен быть человек, не желающий делать что-либо своими руками, об-

ладающий необходимыми для игры в марионеток полномочиями и, конечно, этому человеку юная конференсье должна была мешать настолько, что кроме её немедленной смерти вариантов решения проблемы не оставалось...

Над головой полицейского будто бы зажглась лампочка, как это бывает в мультфильмах при внезапном озарении у персонажей.

– Хозяин! – выкрикнул он, но тут же смутился свой же резкости, поймав недоумённый взгляд девушки. – Э... то есть... Хозяин цирка. Владелец цирка, – сбивчиво исправил он.

На лице сидящей перед ним Графини отразилось крайняя задумчивость. Она всматривалась в Говарда, потирая подбородок. Почему-то под её взглядом мужчина невольно поёжился, чувствуя себя мальчишкой, хотя не являлся ребёнком уже очень и очень давно. А пауза всё тянулась и тянулась... Хоупу начало казаться, будто бы Графиня напрочь забыла ответ на свой вопрос, поэтому и выпытывала его у всех, кто попадётся под руку. Говард уже был готов начать тираду из пояснений, почему это он решил, что именно владелец цирка хотел убрать артистку со своего пути, но решил повременить с этим, ожидая, что Графиня сама попросит об этом. Хотя полицейский был готов на всё, лишь бы побыстрее исчезнуть отсюда. Девушка хмыкнула, прикрывая глаза.

– Нет.

Хоуп застыл в недоумении, хлопая глазами и наблюдая

за тем, как Графиня поднимается, собираясь уходить. Уже в дверном проходе Говард перехватывает руку девушки, дёргая её на себя.

– Как это нет?! – шипит он. – Ты и твоя шайка рассказали обо всём происходящем инспектору, он передал это вашему директору, а тот устранил тебя, чтобы ты больше не мешалась под ногами.

Графиня кивнула, соглашаясь.

– Тогда такого чёрта ты не отпускаешь меня?!

– Вопрос был в том, кто первым захотел моей смерти.

Полицейский начал закипать всё больше и в ярости сильнее сжал чужую по-мертвецки холодную конечность. Девушка склонила голову к плечу, невинно улыбаясь, будто бы не понимая причину чужой злости, мол, “Уговор есть уговор. Ты не ответил – я не отпустила”.

– Как я могу знать кто там ещё твой смерти желал, если ты всего один день в вашем паршивом цирке мне показала?

– Этого было вполне достаточно, – она махнула свободной рукой в сторону стола. Рядом с письмом в свете свечи блестела практически пустая упаковка таблеток и железная фляжка, на которые Говард до этого времени не обращал внимания. – Не пришло ли Вам в голову, что первой собственной смерти пожелала я?

Мужчина выпустил чужую руку, обдумывая сказанное. Утрата друга, найденные таблетки и алкоголь, постоянное головокружение...

– Да откуда мне знать, как вы – фрики – развлекаетесь?! – полицейский оттолкнул девушку, выходя из гримёрки быстрым шагом и направляясь к разрезанному брезенту поодаль от комнаты. – Я не намерен играть в ваши игры, приколисты. Нет никакой ожившей мертвечины!

Графиня не двигалась с места, наблюдая за удаляющейся фигурой, которая сыпала бранными выражениями, называя артистку “пранкером” и “блоггером”, и это она тоже приняла за оскорбление.

Акт седьмой. Истина того дня.

Говард слепо бежал по тёмному проходу, освещаемому только лунным светом сквозь дыры в шатре – сломанный фонарик так и остался лежать на столике в гримёрке. Из прорези выхода лилось свечение, служившее единственным ориентиром. Под ногами хлюпала вода из луж, которые остались после утренней работы, окрашенной дождём. Хоуп старался двигаться как можно аккуратнее, зная, сколько обломков и мусора могло валяться на земле. К тому же не мало людей здесь погибло из-за неосторожности... Не сбавляя шага, полицейский выскочил из шатра, тут же зажмуриваясь из-за ослепительно яркого солнца, которого минуту назад и в помине не было.

Кое-как разлепив глаза, но всё ещё щуря их, мужчина огляделся по сторонам: от заброшенной и пустынной ночной территории цирка не осталось и следа. Вокруг бегали дети, крича и смеясь, а за ними мчались их родители. Торговцы завлекали покупателей, громко рекламируя свои товары. Скучающие работники следили за исправностью механизмов аттракционов. Ночь сошла на нет, уступая место ясному и безоблачному дню. Вокруг все были одеты крайне странно, слишком ярко что ли... Разноцветные блузки с футболками и обилие джинсовой ткани сразу же бросались в глаза. В поле зрения мелькнула фигура в красном костюме.

Говард встряхнул головой, наконец-то отмирая и тут же срываясь с места. Разборки насчёт того, что за чертовщина сейчас происходит, он решил оставить на потом – сейчас главной целью было выцепить знакомую артистку из толпы, дабы она вернула всё на круги своя. Кто же это может сделать, если не сама Графиня, знающая и видящая больше всех!

Пробираться сквозь возбуждённую публику было крайне сложно. Они толкались, пихались локтями и не давали проходу, поэтому конферансье уплывала от Говарда всё дальше и дальше. Удивительно, что сама артистка таких трудностей, как расталкивание потока людей, не испытывала, ведь все присутствующие будто бы намеренно расступались перед ней, позволяя беспрепятственно пройти в свой пункт назначения. Всё же высокая девушка столкнулась с ней, что-то сбивчиво прошептав. Хоуп ни расслышал ни слова из сказанного и даже не увидел лица незнакомки, но пришёл к выводу, что она извинялась за свою неосмотрительность или чрезмерную спешку. Полицейскому успели оттоптать все ноги, прежде чем тот смог приблизиться к конферансье на расстояние, позволяющее схватить девушку за руку или край её развивающегося на ветру фрака. Тут же его кто-то перехватил под локоть, разворачивая и утаскивая в обратном направлении. Ярость и раздражение вновь стали переполнять мужчину, и он был готов накричать на маленького проказника, который принял его за своего брата или отца и теперь уводил того от первоначальной цели. Однако, повернувшись

к своему “похитителю”, Говард успел сменить цвет лица от ярко-красного до абсолютного белого за считанные секунды, при этом находясь в полном замешательстве.

– Дорогуша, неужели ты считаешь правильным хватать цирковых актёров, когда тебе это угодно?

Тихий голос до боли знакомой четырехрукой девушки, которая въелась синим пятном в голову с чужими воспоминаниями, пробирал до самых костей. А вот и та неуклюжая незнакомка... Говард пробормотал что-то себе под нос, безуспешно пытаясь вырваться из чужой хватки, что не увенчалось успехом. Артистка-бабочка завела полицейского в самое начало ряда прилавков, укрываясь с ним за раскидистыми ветвями какого-то приземистого дерева, не успевшего ещё потерять всю свою листву, которая сейчас успешно скрывала парочку от лишних глаз.

– Как твоё имя? – синеволодая артистка упёрлась обеими парами рук в свои бока, в своих сапогах с каблуками возвышаясь над растерявшимся Говардом.

– Го– Гомер, – запнулся мужчина. Отчего-то он не захотел раскрывать своё настоящее имя, хотя в этом не было никакого смысла.

– Гомер, значит. Классная рубашка, у нас такие носит один актёр – метатель ножей. Могу познакомить тебя с ним, поверь, Ноа никогда не промахивается и кто знает, что он выберет целью на этот раз, – артистка перешла на ещё более низкие и угрожающие тона, пытаясь запугать, что у неё, в

общем-то, удалось сделать.

Говард заторможенно кивнул в знак того, что слова синеволосой дошли до него и тут же склонил голову, рассматривая свой наряд так, будто бы видит его впервые. От тёмных штанов с кофтой не осталось и следа, теперь одет он был под стать “местным”, то есть так, словно сбежал напрямиком с вечеринки в стиле девяностых. Полицейский судорожно потянулся рукой к непойми откуда взявшимися на нём джинсам и с облегчением нащупал пистолет, который спрятал в свои старые брюки во время бегства из старого шатра. Артистка перед ним расценила подобное поведение как нарастающую панику от её угроз, поэтому самодовольно хмыкнула и, подмигнув, удалилась. Хоуп смотрел ей в спину, ожидая, пока та совсем не скроется из виду, а после выждал ещё мгновение. Мало ли циркачка действительно не блефовала и сейчас полицейскому поставят яблоко на голову, делая живой мишенью... Говард немного постоял в тени деревьев, всё же вновь возвращаясь в поток людей.

Судорожно продумывая свой следующий шаг таким образом, чтобы больше не пересекаться с другими циркачками, полицейский дошёл до главных ворот, которые всё так же сверкали вывеской “Цирк Уродов”, как и вчерашним утром, когда Говард приехал на развалины этого самого места. Мужчина обернулся, замечая стенды, пестрящие афишами о предстоящих шоу. Дата тринадцатого октября казалась самой знакомой из всех, поэтому полицейский посмот-

рел на указанное под числом время, но оно попросту терялось среди обилия блёсток, которыми кто-то счёл нужным украсить практически каждый плакат. Глянув на запястье, мужчина не обнаружил наручных часов, которых там, впрочем-то, и не должно было быть изначально, но мало ли что ещё здесь произойти может... Оглядевшись вокруг, Хоуп заметил огромный циферблат прямо на будке билетов. Стрелки, сделанные в виде рук клоуна, клонились к двенадцати часам, и это означало, что Говард мог успеть на второе – полуденное – шоу. К несчастью, денег при полицейском для покупки билета не оказалось, но вскоре потребность в них отпала, ведь в заднем кармане джинсов был найден приглашенный, который Говард подобрал ещё на месте преступления во время своей работы. Дата и время на нём каким-то образом изменились, но это было одним из самых менее странных происшествий за сегодняшнюю ночь, плавно перетёкшую в день, так ещё и несколькими десятками годами ранее.

Так как Хоуп стал ловить на себе всё больше и больше подозрительных взглядов со стороны, дабы уж совсем не утонуть в этом излишнем внимании к своей персоне, он встал в очередь, стараясь слиться с остальными посетителями. С горем пополам, но полицейский потихоньку начал вливаться в общую атмосферу, тайком подслушивая разговоры с разных сторон и отмечая, что да, действительно, на дворе были девяностые, хоть это и казалось полным бредом. Однако принять расслабленную позу так и не вышло, к тому же впе-

реди стоящая дамочка с кудрями, которые были явно больше её головы, пристала с расспросами о том, где пропадает ребёнок Говарда. Тому пришлось очень неловко и сбивчиво объяснять, что он здесь совершенно один, тем более разве не может взрослый человек позволить себе такое развлечение? Оставшись не до конца убеждённой, женщина отвернулась, притягивая поближе своего сына.

Очередь двигалась до абсурдного медленно, хотя, когда Говард сам стоял на манеже, даже пусть и в виде некого призрака, ему показалось, что зрители заняли свою места чуть ли не со скоростью света, если и не быстрее. Мимо полицейского, прямо сквозь ряд ожидающих зрителей, пробежались двое мальчишек, в которых Говард с ужасом узнал очередных артистов – сиамских близнецов. К счастью, на мужчину, глядящего на них широко распахнутыми глазами, юные циркачи не обратили абсолютно никакого внимания. Скорее всего они уже привыкли к подобным ошеломлённым взглядам со стороны. Через считанные секунды, так же расталкивая народ, пролетел и ещё один темноволосый мальчишка в сверкающем синем костюме, который кричал, прерываясь на смех, о том, что “Графиня нас сейчас всех тут отчитывать будет, быстро-быстро!”.

Говард смотрел им вслед, обдумывая услышанное. Чёткий план в его голове так и не сложился, но по выкрикам мальчишек можно было судить о том, что Графиня уже находится под шатром и вот-вот будет готова предстать перед

зрителями. Витая в раздумьях, полицейский и не заметил, как подошёл к самому входу, где его уже встречала добродушная работница в платье под расцветку самого шатра, увесистые ботинки которой не делали её ни капли выше. Онаглянула на него снизу вверх, оценивая, но отчего-то не осмелилась похлопать по карманам, как остальных зрителей до него. Эту особенность Хоуп подметил только что; наблюдать и замечать он умел прекрасно. И почему эта его особенность не сработала во время ответа на такой простой вопрос ещё там, в гримёрке?.. Говард встряхнул головой. Явно слухи от циркачей о некоем человеке, пристающим к их коллегам, уже разлетелся из уст той артистки-бабочки.

– Предъявите свой билет, пожалуйста, – певуче протянула работница.

Говард протянул свой переливающийся пригласительный, на который женщина смотрела несколько секунд, хотя глаза её не бегали, как было бы при чтении. Она просто рассматривала усыпанную блёстками карточку, на которые тут явно была какая-то мания, и что-то обдумывала.

– Прошу, можете проходить и занимать любое из свободных мест, – она ещё разглянула на полицейского, но уже более придирчиво.

Говард сбивчиво поблагодарил её и проскользнул в шатёр. Лёгкая музыка доносилась из оркестровой ямы, а голоса зрителей даже не перебивали её, а наоборот, дополняли. Мужчина поднялся на самой верхний ряд, садясь на неудобное

пластиковое кресло и располагая в узком проходе свои, явно чересчур длинные для подобных мест, ноги. Хоть народ всё приходил и приходил, наверх никто не спешил подниматься, ведь в этом не было смысла – в первых рядах всё видно как нельзя лучше! Поэтому в относительном одиночестве Говард стал обдумывать свой следующий шаг, ведь попасть на выступление было лишь началом, а что стоит делать дальше – неясно. Ещё не покинувшие мужчину отголоски злости вспыхнули, стоило свету вокруг погаснуть, привлекая внимание к облачённой в красное артистке, что занимала самый центр манежа. Мысли о том, что это она виновата во всём происходящем, вновь затмили разум полицейского, побуждая к необдуманным действиям.

Подгоняя себя мыслями о том, что если не будет источника проблем, то он сможет вернуться к привычной жизни без всей этой магической чепухи, какая бывает только в фильмах, Говард поднялся со своего места, сбегая по лестнице под шиканье и недовольное бурчание со всех сторон. Пистолет, отдавший ранее неизвестной тяжестью в руке, норовил выскользнуть ещё до того, как полицейский успел бы добежать до нужного ему места. Вытягивая дрожащую руку вперёд, Говард успокаивал себя мыслью о том, что всё происходящее здесь является всего лишь иллюзией, из которой ему необходимо сбежать любым способом. Пальцы сами спустили курок.

Звук выстрела прозвучал словно гром на ясном небе, тут

же заставляя всех окружающих сорваться на бегство. Люди толкались и кричали, в панике покидая шатёр. Кто-то, взявший с собой на представление фотокамеру, тратил плёнку, без остановок щёлкая всё вокруг и снимая, так сказать, “сенсационный материал”. Другие же смельчаки, оставшиеся прямо под шатром, нервно нажимали на кнопках телефонов комбинацию девять-один-один, пытаясь донести суть произошедшего операторам, при этом перекрикивая всеобщий гомон. Говард же так и стоял на месте, уже давным-давно выронив из рук свой пистолет, и просто смотрел на манеж, на котором собиралось всё больше и больше народу, пытающегося помочь пострадавшей артистке, но никто так и не осмелился подойти непосредственно к преступнику. На Хоупа медленно, но, верно, накатывала волна осознания. Нет, вовсе это всё не было ни сном, ни иллюзией...

Как только плечо полицейского сжала чужая рука, намереваясь развернуть того к себе, пока мужчина ещё находился в шоковом состоянии, Говард тут же опомнился, даже не оглянувшись, срываясь с места. Басистый голос кричал ему вслед, а за спиной шуршали листья под ногами того, кто пытался догнать полицейского, но тот успешно обгонял своего преследователя. Перед глазами мелькали вывески, паникующие зрители, красно-жёлтые осенние деревья. Говард всё бежал, пока не выдохся. Тут же он обнаружил, что забежал напрямиком в лес, сам того и не замечая. Такое стечение обстоятельств даже в каком-то смысле играла Хоупу на руку, если

пройти ещё дальше в глушь, то можно с концами скрыться от погони, если она, конечно же, всё ещё была за ним.

Мужчина привалился к дереву, пытаясь отдышаться. Нет, всё же сил бежать дальше у него не оставалось. Поэтому он осел и стал выглядывать возможных преследователей через поредевшую листву, но, к удивлению мужчины, их не оказалось. Перед глазами начало стремительно темнеть, а в сон полицейского клонило всё больше и больше. По дороге, которую было смутно видно из леса, пронёсся старый серый дом на колёсах, уезжая всё дальше и дальше... Вдалеке послышался вой сирены скорой помощи. За ней через считанные минуты промчались и полицейские машины. Суета вновь воцарилась поблизости, буквально рукой подать, но пропавшего преступника, из-за которого всё это и происходило, никто искать, видимо, не собирался. Из-за этого Хоуп пришёл к вполне логичному выводу, что, если вздремнёт прямо здесь, на холодной земле, никто его так и не обнаружит – деревья служили прекрасным укрытием, крепостью защищая выбившегося из сил полицейского.

Говард достал измятое приглашение из кармана, в последний раз разглядывая его, перед тем как окончательно выбросить от греха подальше, ведь именно с него всё и началось. Однако рука его не послушалась, даже и не собираясь подниматься или двигаться в целом, из-за этого даже разорвать билет не вышло бы, так что Хоуп просто сжал блестящую бумажку в кулаке. Намереваясь продолжить свой путь – за-

сыпать в лесу всё же было не самой лучшей идеей, Говард понимал это даже после всего содеянного ранее – полицейский поднялся, всё ещё опираясь на дерево, но как только он отпустил ствол, то не успел пройти и пары шагов, как ноги подкосились, отказываясь удерживать Хоупа. Мужчина повалился на землю, тратя остатки сил на то, чтобы перекатиться на спину. Безоблачное небо стремительно темнело, становясь чернее ночи, и Говард, не в силах всматриваться в эту бездну, закрыл глаза. Капли дождя заморосили по лицу и рукам. Кажется, даже сквозь кроны деревьев и закрытые веки он видел потухающие огни цирка и жёлтые ленты, которыми перекрывали все проходы к нему. А может, это было не на шутку разыгравшееся воображение.

Эпилог.

Утро не задалось с самого начала. И не прозвеневший будильник, который точно был заведён с вечера, не добавлял ноток своей противной трели в него, которые сами по себе позитивного настроения не приносили, но хотя бы не позволяли проспять начало рабочего дня. Завтрак был успешно пропущен, как и бодрящий душ с последующим поиском униформы. Не отойдя ото сна, офицер пару раз ударился пальцами ног о всевозможные углы в своём доме, о существовании которых даже и не подозревал. И, конечно же, в завершении к феерическому провалу внезапного пробуждения разбил дорогушую вазу, подаренную дальними родственниками, от которых из вестей за последние пару лет только этот кусок стекла и оставался.

В отделение полиции Стивен Харрисон явился на полчаса позже положенного времени, непричёсанный, в своей повседневной одежде из-за проблем с поиском неизвестно куда пропавшей униформы и с ужасным настроением. Выходные, которые он сам себе обещал провести продуктивно, прошли на диване за просмотром футбольных матчей в перерывах на старые фильмы с противной озвучкой. Сразу же на офицера, как на руководителя отделения, навалилась целая куча дел. Этого стоило ожидать.

Из-за не пойми куда пропавшего сотрудника (а по совме-

стителю ещё и его заместителя), который стабильно пропускал рабочие дни, Стивену пришлось лично разбираться с якобы актами семейного насилия, которые в итоге оказывались лишь выходками вредных жён, нацеленными на то, чтобы слегка запугать мужей, показывая, что они способны вытворить в случае, если своевременно не получают денег на покупки одежды из новых коллекций. После Харрисон снял около десятка котов с деревьев под надзором вызвавших его старушек, которые верещали о том, что их любимый питомец ну никак не сможет сам справиться с такой задачей, как прыжок с ветки, которая находится всего лишь-то в паре метров от земли. А ведь обычно этим занимаются пожарные, так чего уж по пустякам полицию таскать! После Стивен разобрался с кражей кошелька, которая в итоге вылилась в то, что рассеянный мужчина просто на просто забыл свой бумажник на сиденье собственного автомобиля. Стрелка часов только-только перевалила за полдень, а Харрисон уже понимал своего подчинённого, который давно стал пропускать работу и не выполнять свои обязанности.

Угрюмо жуя бутерброд, купленный вместе со стаканчиком отвратительного кофе на ближайшей заправке, офицер рассматривал кипу отчётов, которые ему тоже полагалось заполнить. Смартфон, лежавший поодаль, начал вибрировать, медленно скользя к краю стола. Он уже успел надеяться, что пропавший из зоны доступа Говард Хоуп наконец-то соизволил просмотреть все пропущенные звонки и теперь

желает извиниться перед своим начальником. Однако предположения не оправдались, и на экране высвечивался неизвестный номер. Стивен нехотя взял мобильный и снимает вызов, отвечая.

– Слушаю.

– Тут нашли тело мужчины в лесу, около заброшенного цирка или типа того, короче, не разберёшь, чё там за развалина, – с помехами из телефона раздался голос молодого полицейского. – Тут Ваша помощь нужна, короче, ну вы поняли.

– Выезжаю.

Харрисон как можно быстрее закончил разговор, не желая больше выуживать информацию из океана запинок и междометий. Хорошо ещё, что говоривший с ним сотрудник не использовал их “молодёжные словечки”, а то Стивен не смог бы понять совершенно ничего из сказанного, прося не использовать ругательства. Требовать прислать точный адрес необходимости не было, заброшенный цирк в окрестностях был только один. Причём, совсем недавно Стивену там пришлось работать, так что вопроса “Как туда добраться?” не возникало.

Офицер решил не напрягаться с тем, чтобы брать ключи от полицейской машины, поэтому двинулся в путь на своём личном автомобиле. К тому же так пропадают опасения по поводу того, что рабочий транспорт заглохнет прямо на лесной дороге, как это случалось и раньше, в силу предостав-

ленных полицейским в этом городке практически доисторических машин. Удивительно, как это вообще всё отделение полиции не развалилось, ведь его реконструкцией никто не намерен был заниматься уж лет как сорок.

Как назло, только двинувшись в путь, по лобовому стеклу забарабанили капли, хотя буквально десять или пятнадцать минут назад на небе не было ни облачка. То ли день у Харрисона неудачный вышел, то ли заброшенный цирк обладал магией привлекать грозу именно в моменты, когда на его территории предстоит работать. Вместе с крупными каплями к стеклу прилипали ещё и сорванные ветром гнилые листья деревьев, застревающие в дворниках.

Приехал Стивен в ещё более ужасном настроении, чем раньше, хотя ему казалось, что это абсолютно невозможно, но бывают же в мире чудеса. Припарковав машину у главных ворот, офицер ещё минуту просидел в тепле салона автомобиля, не желая попадать прямо в лапы промёрзлой осени и ледящего ветра. Всё же выбраться пришлось, Харрисон захватил чёрный зонтик с заднего сиденья, который упорно отказывался открываться, из-за чего за считанные секунды Стивен уже стоял в мокрой куртке, а холодные капли всё не переставали попадать за её ворот, холодя спину. Плюнув на сломавшуюся вещь, он кинул зонт на землю, пряча руки в карманы.

Полицейский недалеко от самих ворот с яркой вывеской, которую время всё не трогало, оставляя точно такой же, как

и несколько десятков лет назад, подсказал, что работа ведётся непосредственно в лесу. Указал рукой куда-то вдаль так размашисто, что направление, в котором стоило двигаться, более ясным не стало, после пожелав удачи. Харрисон всё равно его поблагодарил и поплёлся к дороге, переходя через неё. Ориентиром были только фонарики, мелькающее среди деревьев. Полицейских вновь было довольно много, и это означало, что к преступлению снова подключились офицеры из соседнего города. Жаловаться было не на что – больше рабочих, меньше затраченного времени на решение поставленных задач.

Встретили Харрисона не очень радостно. Не от вредности или плохого характера, конечно, а из-за рабочих условий и существования данной работёнки в целом. Стивен их винить не мог, сам бы сейчас хотел оказаться в тёплом доме, а не в лесу. Бегло осмотрев бумаги, которые ему всунули в руки, офицер попросил отвести его к телу убитого. Никто с этим возиться не хотел, хотя Харрисон и говорил, что занимает высокую должность и по профессии не один год работает, но его всё равно передали в руки какому-то стажёру, который не переставая чавкал своей жвачкой.

– Пойдёмте.

Парень говорил с таким высокомерным тоном, словно все должны здесь быть благодарны за то, что он просто ходит и месит грязь кроссовками. Делать было нечего, поэтому Стивен пошёл за ним, стучаясь головой обо все попадавшиеся

на пути ветки.

– Вот и тело, собственно, – стажёр махнул рукой, надувая шар из жвачки. – Причину смерти ещё не установили, обо всём остальном сами в бумагах прочитаете.

Харрисон замер, чуть ли не роняя папку из рук прямо в лужу. На земле лежал тот самый полицейский, которого он проклинал всё утро. Полицейский, который несмотря на свои прогулы был одним из лучших работников. Говард лежал в грязи и выглядел так, будто бы просто решил передохнуть и уснул прямо тут. Всё ещё не двигаясь с места и, кажется, даже не дыша, Стивен водил взглядом по бездыханному телу. Отчего-то он не мог отделаться от ощущения, что его работник прямо сейчас готов встать и своим обычным ворчливым голосом начать верещать о том, что ему ни минуты покоя даже в глуши не дают. Но этого всё не происходило, и не происходило... Харрисон осмотрел его с ног до головы: непривычно яркая одежда, даже усеянная пятнами грязи и листвой, сразу же бросалась в глаза. Никогда Говард не носил таких нарядов. Да что уж там, он даже не смотрел в сторону таких вещей, а если и видел их на других, то только морщил нос, словно вампир, увидавший солнце.

Присев на колени, Стивен протянул руку, чтобы ощупать карманы убитого, дабы проверить, не забыли ли присутствующие записать какие-то важные детали в отчёт, которые могли бы поспособствовать решению данного дела. Но тут в глаза бросилась бумажка, зажатая в чужой ладони. Обернув-

шись, Харрисон убедился, что до него никому нет дела, и даже тот паренёк, которому велели наблюдать за офицером, сейчас чавкал где-то в стороне, топчась по лужам. Стивен быстро выхватил блестящую карточку из чужих обмякших пальцев и спрятал её в карман своей куртки, тут же поднимаясь и отряхиваясь, всем видом пытаясь показать, что просто осматривал тело, не более.

Бросив что-то первому попавшемуся полицейскому о том, что он сам перепроверит всё по базе данных в офисе, Стивен заспешил к своей машине. На самом деле, оправдание было никудышным, но никого это не волновало, ведь находящиеся здесь даже не утрудили себя в том, чтобы более тщательно проверить тело погибшего. Плюхнувшись на водительское кресло, офицер дрожащими от сдавших нервов или же просто от холода пальцами, повернул ключ зажигания и как можно быстрее умчался в сторону города.

Влетев в здание отделения, он почувствовал на себе множество любопытных взглядов. Ещё бы, их руководитель является грозной тучей, так ещё и насквозь промокший и испачканный в грязи, с засохшими листьями в волосах. Крикнув приближающемуся секретарю предупреждение о том, чтобы ближайший час его не беспокоили, Харрисон заперся в своём кабинете. Достав из нижней полки шкафа стеклянную бутылку без этикетки, офицер сел на стул, доливая в бумажный стаканчик с уже остывшим кофе, какой-то алкогольный напиток. Он выпивает получившейся коктейль да-

же не поморщившись, продолжая витать в раздумьях. Он всё так же смотрит перед собой, толком ничего и не видя, к тому же капая до нитки промокшей одеждой на грязный пол. Можно даже счесть это за внеплановую уборку, если сильно постараться.

Стивен выуживает звенящую связку ключей из кармана, среди которой выискивает маленькую и слегка погнутую отмычку. Запертый верхний ящик стола можно открыть только так. В нём лежат пятнадцать, а того и больше, папок о делах умерших при неясных обстоятельствах полицейских, которых находили в одном и том же лесу около заброшенного цирка. Там же рядом аккуратной стопкой было сложено столько же пригласительных билетов в некий цирк “Nota Bene” на одну и ту же дату – тринадцатое октября тысяча девятьсот девяносто первого года. Харрисон кидает отчёт о смерти Говарда и найденное пригласительное поверх остальных скопившихся бумаг и быстро захлопывает ящик, ещё пару раз дёргая за его ручку для верности.

Отхлебнув спиртного напитка прямо из горла бутылки, Стивен протягивает руку к стационарному телефону, набирая заученную комбинацию цифр.

– Говорит офицер Харрисон. Прошу подать заявку о поиске работника на должность полицейского и моего заместителя.

Список персонажей.

Поприветствуем же циркачей!

Графиня (настоящее имя: Грейс) – конференсье.

Фокусник (настоящее имя: Альберт) – фокусник и иллюзионист.

Рик и Рей – сиамские близнецы, являющиеся силачами.

Тётя Лиз (или же Елизавета) – ясновидящая.

Херд – акробат.

Луис и Фил – «великан и карлик».

Элле – жонглёрша и ассистентка фокусника.

Ноа – метатель ножей.

Нанна – девушка-амфибия.

Тира – фаерщица.